МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
ДЕВУШКА
В ЦЕПЯХ
18+

Леди Энгерии

Марина Эльденберт

Девушка в цепях

«Автор»

2018

Эльденберт М.

Девушка в цепях / М. Эльденберт — «Автор», 2018 — (Леди Энгерии)

«Девушка в цепях» — картина, подарившая мне надежду на новую жизнь и встречу с опасным мужчиной, чье лицо скрыто под маской. Одна ошибка, и я в плену магического долга. Долга, о котором в приличном обществе не принято говорить. Долга тому, чья магия сокрушительна и жестока. Пауль Орман привык получать все и вся, и теперь рядом с ним девушка в цепях — это я.

© Эльденберт М., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог 5
Часть 1. 9
1 10
2 15
3 19
4 22
5 29
6 32
7 35
8 39
9 45
10 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Пролог

Колесо угодило в выбоину, взметнув фонтанчик яростных брызг. Я даже понять ничего не успела, когда содержимое единственной в округе лужи хлынуло на меня, окатив с головы до ног. Мобиль пролетел с такой скоростью, что следом за ним чуть не улетела шляпка, державшаяся на честном слове, то есть на собственноручно сооруженной впопыхах прическе. Проходившая мимо женщина с корзиной сочувственно на меня покосилась, а я отошла в сторону, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Масштаб оказался… масштабным.

Пальто было испорчено безнадежно: грязные брызги намертво впитались в кремовый фетр. Несмотря на стремительный прогресс, улицы Лигенбурга даже в центре с очень большой натяжкой можно назвать чистыми. И дело даже не в том, что дым с промышленных окраин оседает везде, куда доберется. После изобретения мобилей пыли стало в десятки раз больше, а наши дороги… ну, не сказать, чтобы для них приспособлены.

Я стянула перчатку и потерла крохотное пятнышко на запястье, которое тут же стало еще больше. Случись такое в любой другой день, мне было бы все равно, но сегодня… Хотя в любой другой день со мной такое вряд ли могло бы случиться. Это пальто я купила на последние сбережения для встречи с директором музея искусств, мистером Ваттингом. Встречи, от которой зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Ладно, пусть даже пальто погибло, но встреча еще нет.

В моих, и только в моих силах сделать все, чтобы ему понравилась моя картина.

Я решительно поправила на плече тубу с холстом и сквозь людской поток зашагала к площади Витэйра, сразу за которой располагался музей искусств. Огромное трехэтажное здание, с окнами в мой рост, занимавшее целый квартал. Раньше здесь была городская резиденция графа Аддингтона, участника заговора против короны, но после его гибели особняк отошел государству, как и все его земли. Ее величество Брианна распорядилась перевести в особняк лигенбурский музей искусств, поэтому теперь здесь проходили все самые известные выставки. Несколько раз мы посещали их с леди Ребеккой, женщиной, которая заменила мне мать. Тогда я и подумать не могла, что однажды смогу здесь выставляться.

Чем ближе я подходила, тем сильнее колотилось сердце, но у дверей музея меня ожидал сюрприз.

«Выходной», – гласила надпись на табличке, возвышающейся на бронзовой ножке.

Центральный вход оказался закрыт, так же, как и ворота, ведущие во внутренний двор. Каменные стены протянулись коридорами под открытым небом, заворачивающими так резко, что дальше ничего не рассмотреть. Как раз в тот момент, когда я об этом подумала, часы пробили десять. А это значит, что до встречи осталось… пятнадцать минут.

Я в жизни так не бегала.

Пролететь вдоль дома, за ним еще полквартала, нырнуть в переулок, а потом бежать назад с другой стороны. Запахи дыма, дерева и выпечки смешивались с бодрящей свежестью. Осеннее утро выдалось холодным: несмотря на яркое солнце, ветерок покусывал щеки. Близость Бельты делала его еще более сырым и колючим, поэтому я была искренне рада, когда добралась до служебного входа. К счастью, калитка в высоких кованых воротах с королевским гербом оказалась не заперта. Я притормозила, глубоко вздохнула и степенно, как положено благовоспитанной мисс, направилась к двери.

Под навесом стоял мобиль, в котором, укутавшись старым пледом, дремал шофер. Раньше здесь наверняка была конюшня, но с появлением изобретения, позволяющего преодо-

левать расстояния значительно быстрее, от экипажей многие отказывались в их пользу. Те, кто мог себе это позволить, даже нанимали водителя, который возил по делам и по развлечениям.

Массивная дверь поддалась с тяжелым скрипом, эхо разнеслось по коридорам.

– Доброе утро! Мне назначено, – облегченно выдохнула суровому мужчине за конторкой. – Мисс Шарлотта Руа к мистеру Ваттингу.

На приветствие он не ответил. Его вздернутый острый подбородок создавал ощущение, что голова вот-вот откинется назад, но вопреки этому она тяжело устремилась вниз, словно собиралась проткнуть журнал с записями. Заскорузлый палец заскользил по строчкам и замер. После этого он поднял голову и спросил:

– Посыльная?

– Художница.

Выражение лица мужчины стало еще более суровым, особенно когда он заметил тубу за моей спиной. Негоже женщинам заниматься искусством. И всем остальным тоже негоже, все это явно читалось в опущенных уголках губ и тяжелом взгляде. Так же тяжело он указал направо.

– Пройдете три пролета, повернете и увидите дверь из туанэйского дерева, с золоченой ручкой. Это кабинет мистера Ваттинга. Только непременно постучите перед тем, как войти, а дальше вам секретарь все укажет.

«Непременно» он выделил так, словно я была не в состоянии понять, что это значит.

Слова благодарности застыли на губах, поэтому просто шагнула в сторону указанного коридора.

Случайно зацепилась взглядом за висящее на стене зеркало и ахнула. Я напоминала не то леопарда-альбиноса, не то что-то пятнистое, науке неизвестное. Из приличного во мне осталась только прическа. Слабый огонек светильника превращал подхваченные лентой локоны в огненные нити, глаза сверкали, на щеках два красных пятна, грудь тяжело вздымается. Брызги пятнышками темнели не только на одежде, но и на лице. Сдавленно охнув, я судорожно раскрыла ридикюль и принялась в нем копаться в поисках платка. Вместо него нашлись ключи, блокнотик с записями сюжетов для картин, смятая пачка леденцов, в которой сиротливо брякал последний, и…

– Возьмите.

Хриплый голос заставил подпрыгнуть. Стоявший позади мужчина шагнул ближе. В полумраке холла я отчетливо рассмотрела маску, прикрывающую большую часть лица, и руку, протягивающую платок.

– Спаси…

Не говоря ни слова, он направился дальше по коридору. Слегка прихрамывая и сутулясь.

– …бо, – закончила я, глядя в удаляющуюся спину.

Пятнышки оттерлись быстро, и, наскоро затолкав платок в сумочку, я поспешила в кабинет. Секретарь, оценив мой вид, предложил разместить пальто на вешалке, чему я была несказанно рада. Забрызганную шляпку водрузила туда же, оставшись в скромном серо-голубом платье с камеей на воротнике.

В кабинете мистера Ваттинга было светло. Солнце плескалось в гранях стеллажей с книгами и полировало лысину владельца. Наверное, при желании в нее можно было смотреться, как в зеркало. Едва успела подумать, что в голову от волнения лезет всякая ерунда, как сам он, невысокий полный джентльмен в костюме-тройке, поднял на меня взгляд. От волнения под перчатками вспотели ладони, но я все-таки сделала книксен (насколько позволяла болтающаяся за спиной туба) и поздоровалась.

– Мисс Руа. Проходите, присаживайтесь.

Я подхватила тубу поперек и поставила ее у стола, устроившись в предложенном мне кресле.

– Значит, вы протеже Грэгори.

От меня не укрылось, что графа он назвал по имени, а вот «протеже» неприятно резануло слух.

– Не протеже, гувернантка его сына, – поправила я. – Граф Вудворд узнал о том, что я пишу картины, и был очень любезен, когда…

– Конечно-конечно, – перебил меня директор музея. – Ну, покажите, что у вас там.

Я быстро стянула перчатки и осторожно достала картину.

Над ней я работала более полугода, она занимала все мои мысли и все свободное время… да что там. Я не могла спать, не могла есть, а едва вернувшись с занятий с Илайджей, сразу бежала к мольберту. Иногда вспоминала о том, что надо поесть глубокой ночью, а иногда не вспоминала вообще. Валилась с ног от усталости, но все-таки вставала пораньше, чтобы успеть добавить несколько штрихов. И вот теперь осторожно развернула холст, расстелив его на столе перед мистером Ваттингом. От волнения руки дрожали, но я даже не уронила крышку тубы себе на ногу (как сегодня утром, когда собиралась).

– Гм… – Он едва скользнул взглядом по картине, а потом перевел его на меня. – Это вы написали, мисс Руа?

От того, как это было сказано, краска залила щеки.

– Разумеется, я.

Пару секунд мистер Ваттинг буравил меня взглядом.

– Вынужден вам отказать, – сказал он и подвинул холст двумя пальцами в сторону.

Кабинет сузился до полотна, а потом снова растянулся в полный размер. Руки похолодели.

– Но вы даже не взглянули толком.

Снисходительность сменилась раздражением.

– Я слишком ценю свое время, мисс Руа, чтобы отчитываться перед вами о причинах своих решений. Поэтому прошу…

– Позвольте.

Как и в прошлый раз хриплый голос раздался из-за спины, только на сей раз подпрыгнули мы вместе с директором. Серебристый набалдашник коснулся стола, и пальцы мистера Ваттинга отпрыгнули от холста, словно его могли ужалить. Я же, напротив, замерла, глядя на трость, едва касающуюся уголка картины. И моего локтя. Затянутая в платье, я почему-то чувствовала ее, как раскаленную сталь на обнаженной коже. А еще присутствие у себя за спиной: мужчина стоял гораздо ближе, чем допускали приличия, но прежде чем я успела об этом заявить, меня уже обошли. Трость скользнула в его руку словно на невидимой нити, легла как влитая. Маска открывала только губы и подбородок, и я вдруг поняла, что смотрю на эти самые губы. Сжатые в тонкую линию.

Вспыхнув, отвела взгляд.

– Ох… Месье Орман, не знал, что вы заглянете сегодня. Безумно рад вас видеть! – Директор музея как-то подозрительно засуетился. – Право-слово, не тратьте время, хороший знакомый попросил посмотреть работу своей протеже, и я не смог ему отказать…

Не знаю почему, но именно сейчас за «протеже» мне захотелось огреть его тубой.

– Пауль, – прекратил излияния Ваттинга мужчина.

– Что?

– Я просил называть меня только по имени.

– Да, конечно. – Лысина засверкала еще сильнее, директор полез за платком. – Давайте проводим мисс и обсудим…

– Кто вам позировал? – не обращая ни малейшего внимания на бормотание директора, спросил мужчина.

Взгляд сквозь прорези маски вонзился в меня, мешая дышать.

– Никто, – через силу ответила я, почему-то глядя на трость.

И на руку в перчатке, сжимающую набалдашник. Он сжимал его почти нежно, постукивая пальцами по взрезанному узором серебру, но меня не оставляло чувство, что сдави месье Орман чуть сильнее – и металл раскрошится в пыль.

– Я не могу позволить себе натурщицу, – сбросив оцепенение, вернулась к картине. – И потом, это скорее собирательный образ. Образ всех женщин Энгерии, освобождающихся от цепей жестких рамок. Это символизм. Свобода.

На картине была изображена девушка. Разлетающиеся прахом цепи, босые ноги, платье с неброским кружевом, и темные, льющиеся за спиной волосы. За стягивающими хрупкие запястья оковами, врастающими в стену, не было ничего, кроме размытой пепельно-серой дымки каменных стен и холода стали. Впереди раскинулось многоцветье красок и высокое небо: там, куда она делала шаг, ее платье обретало цвет – так же, как обнаженные плечи и очертания города.

Невольно засмотревшись на нее, подняла голову, чтобы снова наткнуться на пристальный взгляд.

– Как вы ее назвали?

В этом хриплом голосе было что-то неуловимо-притягательное и в то же время пугающее. Он говорил о ней так, словно она была живой. Она и была живой, но он говорил не о картине. О девушке.

– Девушка в цепях.

– Девушка в цепях, – Пауль Орман повернулся к директору, – должна быть представлена на выставке. В центре экспозиции.

А…

– О… – только и вымолвил мистер Ваттинг.

– Я зайду завтра. – Опираясь на трость, он шагнул мимо меня к двери, и я уловила легкий запах сандала. – Как вы совершенно точно заметили, в мои планы не входило беседовать с вами сегодня.

– Но позвольте… как же тогда вы здесь очутились? – произнес окончательно сбитый с толку директор.

Честно говоря, я бы и рада была присоединиться к его удивлению, но где-то на словах «в центре экспозиции» у меня случилось что-то вроде ступора. Впрочем, в следующую минуту ступор перешел в глубокий… как это принято называть в высшем обществе, одно из новомодных словечек, из медицины, кажется… глубокий шок. Потому что Пауль Орман обернулся и ответил, глядя мне в глаза.

– Все очень просто, мистер Ваттинг. Я шел за ней.

Часть 1.

Художница

1

– Ох, Лотти, ну ты и выдумщица, – пробормотала Лина.

В своем небесно-голубом платье с жемчужным кружевом подруга была чудо как хороша. Щеки раскраснелись, так же, как и губы – первые она пощипывала, а вторые покусывала всякий раз, когда готовилась выйти из комнаты. Впрочем, ей все это было не нужно: природа щедро наградила ее внешностью, которой завидовали все дебютантки прошлого сезона Лигенбурга. Волосы удивительного пепельно-золотистого оттенка, глаза цвета сочной молодой травы. Брови – не светлые, как часто бывает у блондинок, а словно мел смешали с крошкой уголька, и цвет-в-цвет такие же длинные, пушистые ресницы. Аккуратный рот, пухлые губы и ямочки на щеках, которые неизменно притягивали взгляды, когда она улыбалась.

Я не раз предлагала написать ее портрет, но Лина отмахивалась и говорила, что успеется.

«Я не хочу тратить время и сидеть на стуле, когда вокруг столько всего интересного», – говорила она.

– Папеньке это ничего не стоило, – закончила мысль Лина, еще раз крутанувшись перед зеркалом. – Думаю, он уже и забыл… но я обязательно передам, как ты ему благодарна. А теперь пойдем!

Она выпорхнула из комнаты раньше, чем я успела ответить. Мне оставалось только последовать за ней.

– И все же, Лина, я бы очень хотела поблагодарить его лично.

Подруга наморщила нос.

– А меня? Ведь это именно я за тебя просила!

– Тебя я никогда не устану благодарить!

Шагнула, чтобы ее обнять, но Лина выставила руки в сторону и проворно отскочила:

– Осторожней! Платье помнешь!

Подруга относилась к тому типу леди, которые увидев лишнюю складочку на одежде, теряют настроение на весь оставшийся день. Поэтому настаивать не стала.

С Линой, точнее, с леди Эвелиной Фейт, дочерью графа Вудворда от первого брака, я познакомилась около года назад, когда пришла наниматься гувернанткой для ее младшего брата. Тогда она едва на меня взглянула, но однажды, пока Илайджа пыхтел над чистописанием, а я штриховала небо на промокашке, она заглянула в классную комнату и позвала меня в коридор.

– Мне право, неловко вас просить, – прошептала Лина и щеки ее заалели, – но прислуге я не доверяю, они тут же все разболтают. Не могли бы вы передать это письмо в назначенный час? Просите все, что хотите.

Разумеется, я ничего не попросила, а записку передала камердинеру молодого виконта Риста, который в конце сезона сделал Лине предложение руки и сердца. Думается мне, после этого все незамужние девушки вздохнули с облегчением, я же до сих пор с улыбкой вспоминала случай, который сделал нас подругами. Случай и тонкий голубой конверт, запечатанный магическим узором виконта, который я принесла через пару дней. И следующий от Лины: белоснежный, хранящий легкий аромат ее духов.

Я никогда не писала любовных писем, и мне их не писали тоже.

Леди Ребекка придерживалась мнения, что забивать голову всякими глупостями ее воспитаннице не положено. Впрочем, я не возражала: мне нужно было усердно учиться, чтобы по достижении шестнадцати лет я могла сама зарабатывать себе на хлеб. Правда, на хлеб не всегда получалось – часть жалованья уходила на оплату жилья, небольшую квартирку на северном берегу Бельты, неподалеку от окраины, где расстраивался новый квартал. Часть – на холсты,

краски и кисти, а законченные сюжеты отправлялись к мистеру Рингселу. Он держал небольшую лавку на рынке и продавал их за приличный процент. Невесть какие деньги, не в пример тем, что можно получить в художественной мастерской или магазине (хозяева которых меня даже слушать отказывались, потому что я женщина), но лучше так, чем складывать их у себя и никому не показывать.

Не писать я не могла, а мысль, что мои картины согреют чей-то дом, грела и мое сердце. Правда, не так, как пальто, на которое Лина покосилась с недоумением.

– Лотти! Что это?

– Я, мобиль и лужа, – вздохнула, а подруга сморщила носик.

– Папенька говорит, что эта дрянь здорово отравляет воздух. И вообще, ни одна леди не сядет в этот тарахтящий котел на колесах.

Да, встретить леди в мобиле все равно, что леди в неглиже. Между тем как я была решительно не согласна, что надо отказываться от удобств в пользу условностей и традиций. Если можно добраться из города в город на несколько часов быстрее, чем даже на поезде, почему этим не воспользоваться? В конце концов, летают же леди на дирижаблях… Но некоторые аристократы, подобно графу Вудворду, продолжали отрицать дары прогресса просто за то, что они есть. Считая, что именно они виноваты в отступлении магии и заключении ее в артефакты.

– Я бы села, – сказала задумчиво.

– И стала бы похожа на хрюшку.

– Я и так похожа на хрюшку, – философски заметила я, разглядывая пальто.

– Все потому, что ты наткнулась на этот дурацкий мобиль!

Дворецкий графа тактично промолчал.

– Эвелина, ты еще не ушла? – раздался со стороны лестницы негромкий голос. – Я бы хотела тебя попросить…

– Пошли, пошли, пошли! – зашипела подруга и быстро вытолкала меня за дверь прежде, чем я успела опомниться.

– Лина! Я даже не успела поздороваться с леди Вудворд.

– Не страшно. – Подруга скривилась и приподняла юбки, устраиваясь в экипаже.

Отношения с мачехой у Лины категорически не складывались. Лично мне графиня казалась довольно милой женщиной, но подруга считала, что та заняла место ее матери. Когда она умерла, Эвелине едва исполнилось четыре, а спустя несколько лет отец женился повторно.

– Но она о чем-то хотела тебя попросить.

– Вот еще! Я не прислуга, чтобы по ее поручениям бегать.

– Но…

– Лотти, еще одно слово о ней – и я перестану с тобой разговаривать!

Эвелина сдвинула брови, зеленые глаза потемнели, как листья перед грозой, в них засверкали слезы.

– Она только и делает, что пытается изображать маму, но она мне не мать, и никогда не будет!

– Прости, – примирительно коснулась ее руки. – Мне не следовало тебя упрекать.

– Вот именно, – сухо отозвалась подруга и достала кружевной платочек, промокнуть уголки глаз. – Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Здесь она была права. Не имею. Своих родителей я никогда не знала, и могла только догадываться, что значит потерять маму и каждый день видеть другую женщину, которую отец привел в дом.

Отодвинула шторку и стала смотреть в окно, где за стеклом проплывали фасады дорогих домов. Здесь все дома были дорогими, непохожими один на другой, а расстояния между ними – приличными. Не в пример оживленным улицам в центре, где дома прижимались друг к другу так тесно, словно пытались согреться.

– Лотти! – Лина капризно надула губы. – Опять где-то витаешь?

– Извини, я задумалась, – улыбнулась и посмотрела на нее.

– Ты первая, представляешь, первая увидишь мое платье, которое я надену на помолвку. И знаешь, если бы не ты, мне пришлось бы ехать с мачехой, так что… – Лина хитро улыбнулась. – Я этому очень рада.

Если честно, я не совсем поняла, чему она рада, но о помолвочном платье мы говорили уже около месяца – с того самого дня, как его начали шить. Пока что я представляла себе облака кружев, органзы и шелка, сочетающихся в наряд, достойный королевы.

– И вот что я подумала. – Подруга задумчиво покусала губы. – Если я попрошу папенькиного разрешения пригласить тебя… у тебя ведь найдется, что надеть? Ладно, неважно. Главное, скажи, ты хочешь пойти?

– Лина! – ахнула я. – Конечно, я хочу! Очень. Но ведь…

– Никаких «но»! Ты – моя подруга! – Лина выразительно подняла палец, затянутый в перчатку, пресекая дальнейшие возражения. – Если бы не ты, возможно, мы с Ричардом даже не смогли бы общаться до моего первого выхода, не говоря уже о встречах, когда ты меня прикрывала. Поэтому я хочу, чтобы ты пошла, а я всегда получаю все, что хочу!

Я невольно улыбнулась. Она действительно получала все, что хотела, а над отцом имела какую-то странную, гипнотическую власть. Именно эта власть помогла мне встретиться с мистером Ваттингом, и… не только.

Если честно, я до сих пор не понимала, что испытываю при воспоминаниях о месье Ормане. Если честно, я только о нем и думала, хотя должна была прыгать от счастья, что «Девушка в цепях» будет выставлена в главном зале, в центре экспозиции. Эта выставка собирала работы молодых художников со всей Энгерии, она могла открыть мне дорогу в мир большого искусства. В мир, где мои работы увидит множество людей со всех уголков страны. Этим я обязана Лине, ее отцу, и…

– Скажи, тебе знакомо имя месье Ормана? – спросила неожиданно для себя самой.

– Месье Орман? – Лина приподняла брови. – Нет, не припомню. А кто это?

– Именно он уговорил месье Ваттинга выставить мою картину.

Впрочем, «уговорил», наверное, не то слово.

– Да? – Лина нахмурилась. – Ну все равно, я его не знаю. А как он выглядит?

Я попыталась представить, и вдруг поняла, что образ рассыпается перед глазами. Это было странно, потому что на память и внимание к деталям мне жаловаться не приходилось, я с жадностью художницы впитывала лица, одежду, все необычное. Сейчас же в воспоминаниях стояли плотно сжатые губы, навес изящной маски и трость. Дурацкая трость, прикосновение которой до сих пор ощущалось на коже, как ожог.

– Он был в маске.

Еще слегка сутулился. И хромал.

– Хм, ну тогда я точно тебе ничего не скажу, – фыркнула подруга. – И потом, что это ты так о нем расспрашиваешь? Неужели… ох, Лотти, он что, тебе понравился?!

– Нет, – поспешно отозвалась я.

Пожалуй, слишком поспешно, чувствуя, как щеки заливает румянец. Он не мог мне понравиться хотя бы потому, что я ничего о нем не знала. Кроме того, что он раздает незнакомкам шелковые платки без инициалов и… ходит за ними. Конечно, я не могла быть уверена, что он не сказал это в насмешку, да хоть ради того, чтобы позлить мистера Ваттинга, но…

– Так-так, Шарлотта Руа! – Лина даже вперед подалась, но ни чинно сложенные на коленях руки, ни весь ее благопристойный вид не могли скрыть явного интереса, отраженного в уголках приподнятых губ и сверкающих глаз. – Мне кажется, или ты что-то от меня скрываешь?

– Он сказал, что пришел за мной.

– Что?!

Рот у подруги округлился, а глаза загорелись.

– Сказал, что шел за мной, – поправилась я, и вкратце описала наше знакомство и встречу в кабинете директора Ваттинга.

– И что, он сию же минуту не объяснился?

Что-то мне подсказывало, что Пауль Орман вообще не из тех, кто объясняется, но Лине я этого говорить не стала.

– Нет, – пожала плечами. – Просто вышел из кабинета.

– Нет?! – Лина вскинула тонкие брови, а потом презрительно скривилась. – Наверняка один из этих дельцов, которые считают себя хозяевами мира, а на самом деле ничего из себя не представляют. Папенька говорит, что связываться с ними – себе дороже, а общаться так и вовсе не стоит.

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут же его закрыла. Быстрый прогресс и стремительно угасающая магия привели к расколу высшего общества. Титулованные аристократы, потомственные маги, в большинстве своем не признавали людей, которые сколотили свое состояние в делах. Многие отказывались принимать их у себя, а на официальных приемах старались свести общение к той условной вежливости, ниже которой ни один уважающий себя аристократ опуститься не позволит. Мне это казалось неправильным, но отец Лины относился к старому поколению, и я посчитала нетактичным ставить свое мнение против его. Особенно после того, как он был столь добр ко мне.

Экипаж остановился, и подруга недовольно глянула в окно. Подождала с полминуты и тут же нетерпеливо позвонила в колокольчик.

Седовласый кучер с бакенбардами тотчас оказался у подножки.

– Ты почему остановился?

– Авария. Придется подождать, леди Эвелина.

– Но я опоздаю на примерку!

– Дальше не проехать и развернуться уже не получится. – Мужчина развел руками. – Мобили столкнулись, прямо на перекрестке, перегородили все. А полицейских не дозовешься.

– Опять эти мобили!

Лина нахмурилась и топнула ножкой. Пожевала губы, как делала всегда, когда злилась, а потом ее лицо просветлело.

– Пожалуй, придется идти пешком.

– Но леди Эвелина, не положено же…

– Тебя не спрашивают! – отрезала она. – Распахни дверцу и руку подай. Живо! Мисс Шарлотте тоже. И только попробуй сказать папеньке или мачехе – вмиг вылетишь с места без рекомендаций.

– Здесь недалеко, всего три квартала, – сказала я кучеру, лицо которого пошло красными пятнами. Почему-то мне было ужасно неловко.

Не успели мы свернуть на улицу, где пекарни наседали на мясные лавки, а пирожковые перемежались с витринами, заставленными посудой и безделушками, как Эвелина поморщилась и зажала нос двумя пальцами. Другой рукой она приподнимала подол, брезгливо морщась, когда под ногами что-то скользило или хрустело.

– Фи! Воняет, как в отхожем месте.

Запахи в Лигенбурге и впрямь были самые разные, из промышленных кварталов ветер приносил одно, из цветочных другое. Иногда к этому примешивались ароматы близости рынка, проходящих по улочкам лошадей и проезжающих мобилей.

– Убийство! Убийство в р-р-рабочем квар-р-ртале! – Разносчик газет, паренек с лихо надвинутой на нос плотной кепкой сунул газету мне в лицо так яростно, что я едва успела увернуться и почувствовала запах свежей типографской краски.

– Нет, спасибо, – покачала головой, успев заметить на первой странице фотографию.

Совсем девочка, не старше нас с Линой, наверное. Лет семнадцати, а может быть и того меньше.

Сердце сжалось при мысли о том, что она уже никогда не вернется домой. Не обнимет родных и не улыбнется.

– Всевидящий, Лотти! Что у тебя с лицом? – Лина раздраженно на меня покосилась. – Мы же не траурный наряд идем примерять. Определенно, сегодня все только и делают, что портят мне настроение.

– Прости. – Я попыталась улыбнуться, но не вышло. – Просто я подумала о ней.

– Ты теперь о каждой бродяжке думать будешь? – подруга приподняла брови.

– Почему сразу о бродяжке? Мы ничего о ней не знаем.

– Потому что с леди такого, – она сделала ударение на последнее слово, – никогда не случится. И с приличной мисс тоже. Все, я не желаю больше говорить об этом! Мне и так тошно дальше некуда. Чтобы я еще раз согласилась ехать на примерку… Она, конечно, шьет роскошные наряды, но если хочет обшивать меня, придется ей ездить ко мне самой.

Она отпустила мою руку и решительно зашагала вперед. Я ускорила шаг, и вскоре (к явному облегчению), мы свернули к дому известной в Лигенбурге модистки.

2

Без «Девушки» стало как-то пусто. Место на рабочем столе, которое она занимала, теперь было завалено красками, кистями и карандашами, ранее ютившимися на полу и по углам мансарды. Раму для картины я так и не успела купить, чтобы поставить ее на потертую тахту, прикрытую оранжевым пледом. Владелец квартиры, мистер Холл запрещал мне дырявить стены, хотя с этим вполне успешно справлялись мыши. До того, как у меня появилась мисс Дженни.

Впрочем, о мисс Дженни мистер Холл не знал, и мы обе считали, что так будет лучше. Полосатая кошка с усами, которым мог позавидовать тигр, появилась у меня на окне в начале прошлой, очень холодной весны. Сверкая огненно-желтыми глазами, поставила лапу на раму, как бы спрашивая: «Найдется для меня что-нибудь перекусить?»

Перекусить нашлось, и с тех пор мисс Дженни приходила, когда хотела, и уходила, когда хотела. Она помогала мне с мышами, а я ей – переждать голодные времена. Мы ничего друг от друга не требовали и ничего не обещали. Пожалуй, это были идеальные отношения, в которых каждый не ждал новой встречи, но согреваться от уютного мурчания всегда было тепло. Теплее разве что запускать пальцы в короткую шерстку и гладить мисс Дженни. В какой-то степени мы с ней были похожи: я была свободной художницей, а она свободной кошкой свободной художницы.

Поэтому сейчас я просто распахнула окно и впустила ее в мансарду вместе с холодным осенним воздухом. Огни над рекой и грохот со стороны стройки (несмотря на то, что уже стемнело), ворвались вместе с запахами чадящих котлов и угольного дыма, клубящегося над снующими по Бельте лодками.

– Быстрее, мисс Дженни! – поторопила строго. – У меня потом комната еще два часа не прогреется.

Кошка посмотрела на меня со свойственной ей меланхолией, а потом с королевской грацией (и той же расторопностью), вплыла в комнату. Ей было совершенно безразлично, что отопительный котел у нас даже зимой не включают настолько, чтобы им можно было согреться. Отчасти потому, что миссис Клайз, соседка с третьего этажа, постоянно жаловалась. Она говорила, что однажды этот котел взлетит на воздух, и все мы посыпемся в ночное небо, как конфетти из праздничного рогалика. Этот сюжет меня так вдохновил, что я нарисовала летящих над домом людей с разноцветными зонтиками, вставила картину в простенькую деревянную раму под лаком, и подарила ей.

– Это единственное, что я возьму с собой ко Всевидящему, – заявила она, когда увидела подарок.

Чувство юмора у нее тоже было странное. Впрочем, миссис Клайз боялась не только паровых котлов, но и газовых светильников, электричества и магических артефактов. В общем-то, она была безвредной милой старушкой, постоянно завернутой в такое количество поеденных молью шалей, что ей совершенно точно без разницы, на каком делении стоит паровой котел. А мне, чтобы писать, требовалась подвижность, поэтому позволить себе кокон из шалей я не могла.

Единственная труба в углу комнаты, тоненькая, как два моих пальца, тепла почти не давала, поэтому грелась я слабо заваренным чаем и пробежками из одного угла мансарды в другой. Примерно как сейчас. Пытаясь сосредоточиться на новом сюжете, а вовсе не на месье Ормане, который ворвался в мои мысли с той же бесцеремонностью, что и в кабинет директора музея.

Если бы еще это было так просто.

– Как думаешь, мисс Дженни, прилично мне о нем думать? – поинтересовалась я у кошки, которая умывалась после сытного ужина.

Мисс Дженни выразительно посмотрела на меня и вернулась к своему занятию.

– Ладно, а если мне его нарисовать?

Идея пришла настолько внезапно, что избавиться от нее я уже не смогла. Устроившись поудобнее, я подтянула к себе альбом с зарисовками – сюда помещались все сюжеты, за которые я пока не готова была взяться всерьез. Парочка на мосту через Бельту, стелящийся над рекой туман и тяжелое, хмурое небо. Пес и мужчина с дымящей трубкой, поводок намотан на кулак так плотно, что на ладони вздулись вены. Много их было, сохраненных на бумаге случайных встреч. Эскизы – как пойманные моменты, цвет – это другое.

Цвет – это жизнь, именно поэтому в «Девушке» я использовала такой переход. От черно-белого к ярким краскам. Возможно, поэтому она получилась такой живой. Такой настоящей.

Первый штрих лег неровно, и я перевернула страницу.

Закусила губу, вспоминая. Вскоре карандаш порхал по бумаге, восстанавливая образ: зачесанные назад волосы, правильной формы череп, маска, плавный контур подбородка… я чувствовала себя так, словно у меня отняли нечто очень важное. Надбровные дуги, например. Или крылья носа, скулы, которых мне так не хватало. Художники – странные люди, и я в том числе. Я вспоминаю лица по слепку, который составляю в первый миг знакомства, но здесь не хватало слишком многих деталей. Даже взгляд, пристальный и пронзительный, от меня постоянно ускользал.

Видимыми остались только сутулые плечи и длинные пальцы на набалдашнике трости. Эти пальцы я запомнила так же ярко, как губы: сжатые в тонкую жесткую линию. Поймала себя на том, что краснею. То ли от того, что вопрос Лины до сих пор крутился в голове, то ли от того, какое странное чувство вызывал во мне один штрих на альбомном листе. Желание прикоснуться кончиками пальцев, повторить этот контур, стирая резкость. И немного приподнять уголки…

Улыбка? Поймала себя на мысли, что не представляю его улыбающимся.

– Знаешь, мисс Дженни, по-моему это была дурацкая идея, – я отложила альбом.

Щеки продолжали гореть, словно меня застали за чем-то непристойным. Впрочем, думать о совершенно незнакомом мужчине в таком ключе – действительно непристойно. Наверное, мне должно было стать стыдно, но стыдно не было. И это было еще более непристойно.

– Лина пригласила меня на помолвку, – сказала я, чтобы отвлечься. – Вот только платья у меня нет. Впрочем, на бал я все равно не смогла бы остаться.

Несмотря на то, что очень хотелось. После дебюта подруги разговоров было столько, что мысленно я сама кружилась среди порхающих разноцветных юбок и вееров. Разумеется, меня к этому не готовили, да и зачем. Леди Ребекка, была столь щедра, что оплачивала услуги мастера Викса (учителя живописи, которому я обязана всем, что умею), но по поводу танцев она сказала сразу:

– Не думаю, что тебе это пригодится, Шарлотта.

Отчасти она была права. Когда нет ложной надежды, обо всяких глупостях реже думается. Но я все равно думала. О том, как вхожу в зал под аркой, увитой цветами, и как меня встречают хозяева дома, как знакомят с остальными гостями. Как музыка льется над залом, и ослепительно сияют люстры. Кантрель и вальс, и следом еще один, и юбки летят по кругу, и мелькают строгие черные фраки, а ко мне подходит…

Кхм. Нет, раньше его в этих фантазиях не было.

Закусила палец, разглядывая лежащий рядом альбом, а потом решительно вырвала лист. Этому трюку меня тоже научил мастер Викс.

– Мы, художники, можем чуть больше, чем все остальные люди, – говорил он, – если хочешь сохранить что-то, нарисуй это. А если хочешь забыть – нарисуй и порви. На много-много мелких клочков, и развей по ветру. Тогда оно оставит тебя навсегда.

Вот только я почему-то медлила.

Желудок напомнил о себе урчанием: я забыла поужинать. Увы, пообедать тоже —после визита в музей сразу отправилась к Лине, а после модистки прибежала домой и взялась за набросок. Отложив его, снова открыла окно, где на вделанном в кирпичную кладку крюке в сумке из плащовки болталась бутылка с остатками утреннего молока и купленный вчера пирог с сыром. В общем-то, неплохой ужин, если так посудить.

Когда молоко нагрелось, мы разделили его с мисс Дженни и вместе зажевали пирогом.

Подогнув под себя ноги, я сидела на широком подоконнике в домашнем платье, искренне радуясь тому, что сразу по возвращении переоделась. Гостей у меня не бывало, а шнурующийся спереди корсет, который я носила под единственное приличное платье, так сдавливал ребра, что становилось нечем дышать. В домашнем можно было не волноваться, что переломишься в талии, если неосторожно нагнешься.

Вот как сейчас!

– Лови! – Я скомкала обертку из-под пирога и подбросила в воздух.

Кошка молнией слетела с подоконника и устремилась за «игрушкой». Я же подумывала над тем, чтобы заварить чаю, но для этого нужно было спускаться на общую кухню. Идти туда не хотелось, да и вообще, старую заварку давно пора слить, а после новой потом часа два не заснешь.

Поэтому я решила обойтись: взбила подушку, отогнула верхнее покрывало, расчесалась и, выпутавшись из платья, осталась в одной сорочке. Она доходила мне до щиколоток, по всем правилам приличий. В моей комнате особо не развернешься, но я все равно в два прыжка добежала до кровати, кутаясь в слои промерзшей за день ткани. Если накрыться с головой и часто-часто дышать, станет теплее. Мисс Дженни запрыгнула и устроилась на подушке, вволю потоптавшись по наспех заплетенной косе.

– А еще на следующей неделе начнется выставка, – я высунула из-под одеяла нос, – и там будет «Девушка». Представляешь?

– Мурр, – ответили мне.

Засыпая, я думала о том, что там наверняка будут мастера со всей страны. Я смогу пообщаться с людьми, которые горят творчеством! А если картину высоко оценят столичные искусствоведы, возможно, в следующий раз в салоне на меня посмотрят уже иначе. И возможно, когда-нибудь я смогу оставить работу гувернантки, купить себе дом в пригороде и писать картины.

Только писать.

С этой мыслью я и заснула, а проснулась от странного чувства: что-то легко скользнуло по щеке. Невесомо, словно прикосновение кисточки. Спросонья отмахнулась от хвоста мисс Дженни и наткнулась на пустоту.

Повернулась, открыла глаза, но кошки поблизости не было. Зато у стола, где я оставила набросок, тенью во взрезанном рамой лунном свете застыл мужчина. Спиной ко мне, едва касаясь пальцами уголка листа. Хотя окно было плотно заперто, по комнате змеился туман, в темноте мерцали ядовито-зеленые нити. Они пронизывали комнату тонкими жилами и тянулись к силуэту незнакомца.

От ужаса перехватило дыхание, я хотела закричать, но поняла, что даже не могу пошевелиться.

– Поразительно, – произнес он. – Ты должна спать, Шарлотта. Но ты не спишь.

Щупальце тумана скользнуло по моей щеке: едва уловимой лаской, которую я приняла за беспардонность мисс Дженни.

– Почему ты не спишь, Шарлотта-а?

Чувствуя, что у меня сейчас разорвется сердце, я рванулась из зыбких оков сна. Оков, которые призрачными клочьями тумана разлетелись в воздухе. Понимая, что снова могу дышать и двигаться, набрала в грудь побольше воздуха. Я бы закричала, но в этот момент он повернулся.

И я потеряла сознание.

3

Дурацкий сон не шел из головы. Разумеется, это был сон, но сон настолько реальный, что я до сих пор отчетливо помнила каждую деталь. Особенно туман, скользящий по коже и голос: звенящий, как натянутая струна. Почему-то именно такая ассоциация сложилась, и избавиться от нее я уже не могла. Равно как и от воспоминаний легкого прикосновения к щеке, словно чьи-то призрачные пальцы ласкали скулу. Это было настолько странно, что утром я первым делом подбежала к столу. Набросок лежал там, где я его оставила, дверь в квартиру была заперта на щеколду, мисс Дженни сидела на подоконнике и умывалась.

– Мисс Руа! Вы неправильно подчеркнули артикль.

– Не может такого быть, Илайджа.

– Да нет же! Я точно говорю. – Мальчик поспешно подтянул к себе учебник вэлейского и, пролистав, ткнул в правило. – Вот. Здесь ставится такой.

Я перевела взгляд на страницу, затем в тетрадь, и поняла, что краснею. По ощущениям – до корней волос, потому что правило было простейшим, но я действительно неправильно подчеркнула артикль, когда проверяла работу. Раньше мне никогда не приходилось краснеть перед учеником, потому что ко всем заданиям я подходила педантично и скрупулезно. Сегодня же со мной, определенно, творилось что-то не то. И это что-то заключилось в зыбком певучем голосе, зовущем меня по имени.

«Шарлотта-а».

– М-м-м… действительно, вы правы. Простите, пожалуйста, – я улыбнулась, – снимаем недочет. Остается всего две ошибки.

– Это вы ошиблись! – Мальчик откинулся на спинку стула, насупился и сложил руки на груди.

В отличие от сестры, Илайджа унаследовал рыжие вихры графини и массивную челюсть отца, которая пока еще не обозначилась слишком резко. В свои восемь лет он уже был достаточно крупным мальчиком, но я сомневалась, что он будет высоким. Ни граф, ни графиня выдающимся ростом не отличались, так что, как говорила Эби, кухарка в доме леди Ребекки, с наибольшей вероятностью, все уйдет в кость.

– Да, я ошиблась, но я признала свою ошибку. Продолжаем.

– Нет, – заявил юный лорд, пристально глядя на меня.

– Нет?

– Но я могу об этом забыть, если вы не заставите меня учить два стишка за один.

У меня брови полезли на лоб. Понимая, что невыученный стишок может превратиться в два, три, а то и все десять, попытку шантажа пресекла сразу.

– Возвращаемся к занятиям, лорд Фейт, – строго сказала я.

– А я расскажу маменьке, что вы ошиблись! А маменька скажет папеньке, и он вас выгонит! Она говорит, что вы и так слишком молоды, чтобы меня учить.

Прежде чем я успела ответить, дверь приоткрылась.

– Лотти! – шикнула Лина.

Ну вот и какой тут воспитательный процесс? Юный лорд тут же полез в нос сразу двумя пальцами, и я шмякнула линейкой по столу. Следовало бы по рукам, но я придерживалась мнения, что бить ребенка (даже линейкой, даже слегка, чтобы отвлечь) – оскорбительно и чудовищно. Моя гувернантка столь добра не была, и я частенько ходила со ссадинами на ладонях, потому что она не брезговала розгами. Зато теперь я не грызу ногти.

– Лорд Фейт! Сядьте ровно и продолжайте. Я вернусь через пять минут.

Судя по звукам за спиной, Илайджа корчил мне рожи. Судя по тому, что Лина показала ему кулак, я не ошиблась. Стоило мне выйти и притворить дверь, как я сделала большие глаза.

– Лина! Сколько раз я тебя просила не приходить во время занятий?

– Вот ты как заговорила! – подруга сложила руки на груди. – А знаешь, что? Я хотела рассказать тебе отличную новость, но теперь уж точно ничего не скажу!

Она вздернула подбородок и развернулась, чтобы уйти.

– Лина! – умоляюще воскликнула я. – Твой брат и так ни во что меня не ставит. Это ведь мое первое место, понимаешь? И он прекрасно об этом знает. Точно так же, как и о том, что мы с тобой подруги, а значит, можно творить, что хочешь.

– Пожалуйся папеньке, – Лина надула губы, – он его выпорет так, что сидеть не сможет.

– Лина!

– Что?

– А если кто-нибудь увидит, как мы болтаем?

– Да кто? Слуги уже закончили наверху, папенька по делам уехал, мачеха убежала к своей родне. Она всегда убегает, как только папенька из дому, и ноет, и жалуется – я уверена! У нее все время глаза на мокром месте.

– Может быть, ей просто одиноко?

– Ну да, – фыркнула Лина. – И то, что папенька ее драгоценностями и шелками заваливает, ничего не меняет.

Вообще-то нет, хотела сказать я. Но вместо этого спросила:

– Так что ты хотела рассказать? Только быстро.

С минуту желание меня проучить боролось с желанием поделиться любопытными новостями. В конце концов, пересилило второе, подруга схватила меня за рукав и потянула подальше от двери, к слабо мерцающему магическому артефакту-светильнику. Такие теперь были во многих домах, наравне с электрическими (первые ставили аристократы старой закалки, считая, что из двух зол прогресса надо выбирать меньшее, второе – просто богатые люди). От газовых светильников отказались почти все, хотя кое-где они еще встречались.

– Этот крысеныш наверняка подслушивает, – понизив голос до шепота, она чуть ли не ткнулась мне в ухо губами. – Во-первых, я кое-что узнала. Про твоего Пауля.

– Он не мой, – ответила я, хотя в груди сразу стало жарко.

Впрочем, Лина тут же остудила в свойственной ей манере:

– Он действительно из дельцов. Сколотил свое состояние на производстве этих брандулетов, у него завод в Вэлее. «Ваорхан», кажется. Много путешествует, покровительствует людям искусства. Собственно, эта выставка – его рук дело. Он все оплачивает, сделал огромное пожертвование в фонд музея и даже подарил музею одну из своих скульптур.

Да, теперь понятно, почему вокруг него так плясал мистер Ваттинг.

– Он вообще помешан на искусстве. Вкладывается в восстановление всяких античных скульптур, времен армалов, если не раньше. Такими деньгами бросается, которыми несколько детских домов год кормить можно. Разумеется, с ним многие хотят знаться, из-за его богатства. Не в достойном обществе, конечно, среди подобного ему сброда, тем более что он никогда не открывает своего лица и редко появляется на публике. Словом, чокнутый, – подвела итог Лина. – Так что держись от него подальше.

Интересно, слова «держись от него подальше» только на меня действуют наоборот?

Или дело не в словах?

– А теперь главное! – Глаза Лины возбужденно засверкали. – Папенька сказал, что ты можешь прийти на помолвку, и… – она выдержала паузу. – Не только. Ты можешь остаться на бал! Заодно и папеньку поблагодаришь лично.

Остаться? На бал?!

Коридор перед глазами слегка пошатнулся, вместе с витым магическим светильником в форме цветка. Сердце заколотилось с удвоенной силой, а дыхание перехватило. Одно дело думать про бал, представлять, как это будет, и совсем другое – знать, что ты можешь пойти! Только тут поняла, что есть одно маленькое «но». Маленькое «но» моего размера.

– У меня нет платья, – выдохнула разочарованно.

До помолвки осталось две недели, а даже если бы было больше, это ничего не решает. Все деньги ушли на пальто, которое теперь в крапинку, и не отчистишь.

– Это ты так думаешь, – гордо изрекла Лина. – Я отдам тебе свое. То бледно-сиреневое, с газовым шарфом, в котором я дебютировала. Все равно я его уже не надену, а на тебе его вряд ли кто-нибудь вспомнит.

Я вцепилась в запястье Лины с такой силой, что она поморщилась и отняла руку.

– Лотти! Ты меня поцарапала.

– Прости, – прошептала взволнованно. – Прости, прости, прости! Я просто очень-очень рада. Слов нет, чтобы рассказать, как… как я тебе благодарна за все, Лина!

Шагнула вперед и порывисто обняла подругу.

– Ладно, – проворчала она, выворачиваясь, но было видно, что Лина очень довольна, – если с этим решили, возвращайся.

В эту минуту хлопнула входная дверь, и мы разлетелись в разные стороны, как напуганные воробьи. Я едва успела скользнуть в классную комнату, когда снизу раздался высоковатый голос графа и вторящий ему – дворецкого. Их поглотил щелчок притворенной двери.

Илайджа, вместо того чтобы постигать грамматику вэлейского, считал ворон. Надо отдать ему должное, заметив меня, тут же уткнулся в тетрадку. Я сделала вид, что ничего не было: в конце концов, мне не положено выходить посреди занятия. Доиграемся мы с Линой когда-нибудь, ой доиграемся. И ведь влетит обеим!

Ай!

Подскочила на стуле и перехватила усмешку на лице юного лорда. Впрочем, усмешка тут же уступила место сосредоточенности, сквозь которую еще минут пять пробивалось не то хрюканье, не то квохтанье, тщетно сдерживаемое, но от этого еще более заметное. Я повертела в руках канцелярскую кнопку, на которую села, и заглянула в свои записи по арифметике.

Задам этому паршивцу примеры посложнее, пусть пыхтит!

Отобрала несколько и решила добавить еще пару задач. А потом невольно потянула к себе вэлейско-энгерийский словарь, чтобы убедиться, что память меня не обманывает.

Не обманула.

«Ваорхан» в переводе с вэлейского – ястреб.

4

Возможность поблагодарить графа Вудворда представилась мне чуть раньше, чем я рассчитывала, а если быть точной – ближе к вечеру следующего дня. Я как раз закончила занятия с Илайджей и собиралась домой, когда в классную комнату заглянула горничная и сообщила, что граф хочет меня видеть.

Осенние сумерки наступают рано, поэтому когда я спустилась в кабинет, там уже горели магические светильники. По сути, отличить их от газовых или электрических можно было по легкому мерцанию искр вокруг плафонов: это значило, что внутри заключен осветительный артефакт. Мягкий теплый свет скользил по ковру и створкам книжного шкафа, ласкал позолоту тяжелого рабочего стола. Сам граф стоял у окна, сложив руки за спиной, одну широкую ладонь в другую.

– Добрый вечер, милорд, – я сделала реверанс.

– Мисс Руа. – Он подошел ко мне, выдержав паузу, во время которой я не могла подняться по этикету. – Проходите. Присаживайтесь.

Он даже отодвинул стул, что показалось мне невероятно галантным. Невысокий, сероглазый мужчина с грубоватыми чертами и светлыми волосами. Плотного телосложения, но назвать его грузным язык бы не повернулся. Для своего возраста (немногим за пятьдесят) граф Вудворд выглядел превосходно. Ухоженное лицо, густая борода и холеные руки с крупными круглыми ногтями. Эти руки и пододвинули на край стола конверт, подписанный «Для мисс Шарлотты Руа». Почерк был резкий и неразборчивый, таким обычно пишут аптекари.

– Это передали вам, от мистера Ваттинга. – Граф обошел стол и опустился в кресло, сцепив пальцы в замок. – Насколько я понимаю, у вас все сладилось?

– Да! – воскликнула я, но тут же добавила тише, как и положено: – Да, милорд! Слов нет, чтобы передать, как я вам благодарна! Вот только решительно не понимаю, почему конверт для меня принесли вам. Я ведь оставила мистеру Ваттингу свой адрес.

– Вы что-то имеете против? – Он нахмурился, и я покачала головой.

– Нет, просто… для вас это лишнее беспокойство.

– Ах, это, – отмахнулся граф. – Пустяки. А благодарность, мисс Руа, не всегда измеряется словами. Но это тоже пустое. Приятно, что смог вас порадовать.

Я улыбнулась и потянулась к конверту, но граф неожиданно перегнулся через стол и придержал его пальцами.

– Говорят, ваша картина называется «Девушка в цепях».

– Да, милорд.

– И о чем же она?

– О свободе, – ответила я, – точнее, о девушке, которая обретает свободу.

– Свободу? От чего?

– От условностей мира. От всего, что мешает ей быть счастливой.

– Вот как, – граф кивнул. – Необычный сюжет. Ну а вы сами, мисс Руа, какой видите свою дальнейшую жизнь?

– Я?

Прямота вопроса поставила меня в тупик. И дело было вовсе не в том, что я не знала, чего хочу, знала, и даже больше, просто привыкла жить, не загадывая. Но не загадывая и не мечтая – разные вещи. Мечтать мне никто не мог запретить, а вот загадывать наперед – себе дороже.

– Я хочу писать картины, – ответила серьезно. Возможно, это был не совсем правильный ответ человеку, который платит тебе жалованье гувернантки, но по крайней мере, он был чест-

ным. – Хочу открыть художественный салон, выставлять там свои работы и работы всех, кто не может изыскать возможность выставляться. Хочу домик у моря… Простите, милорд.

Последнее точно не относилось к теме, но граф сцепил руки в замок и откинулся на спинку кресла.

– Продолжайте.

– Продолжать, в общем-то, пока нечего, – призналась я. – Это все.

– А что же семья, дети? О них вы думали, мисс Руа?

Наверное, думала. Но не так, чтобы очень. Конечно, пару раз я представляла рядом с собой маленькую девочку в симпатичном платьице и мальчугана, пускающего кораблики, но дальше этого дело не заходило. Тем более что думать о семье, пока нет возможности ее создать как-то глупо. И тем более глупо думать об абстрактном мужчине, который сделает тебя счастливой, и которого сделаешь счастливой ты. Точнее, думать-то можно, но это все опять же мечты, а мне как никому другому пристало отличать мечты и фантазии от реальности.

Да… неправильная я какая-то мисс.

– Не особо, милорд.

– Хм, – граф потер подбородок. – Как вам нравится место у нас?

– Очень, – искренне ответила я. – Вы очень ко мне добры, леди Вудворд и леди Лина тоже.

– Да-да, – рассеянно ответил он. – И что же, мой сын делает успехи?

– Определенно, – ни разу не покривила душой.

Конечно, Илайджа был далек от образцового ученика, но образцовость мне всегда казалась излишней. Достаточно, что он проявляет рвение к тому, что ему нравится – тот же вэлейский, например, он с удовольствием заучивает новые слова и бегло читает. Его привлекает современная литература (если не надо учить стихи). Впрочем, стихи учат обычно из классики, а я смутно представляю себе ребенка, которому классика понравится.

– И все-таки место гувернантки – далеко не предел ваших мечтаний. Я правильно понимаю, что вы хотите, м-м-м… свободы?

Он как-то мягко раскатал это слово на языке, и получилось не совсем то, чего я хочу. На мой взгляд свобода – более резкая. Дерзкая.

Но графу об этом я, разумеется, не сказала.

– Да, – ответила честно. – Но милорд, вы можете не сомневаться, что пока я занимаю это место, я отношусь к этому со всей серьезностью.

– Чудно, – пробормотал граф. В какой-то миг у меня возникли сомнения, что он вообще меня слушал, потому что смотрел он куда-то вниз, ниже моего подбородка. – Чудно. Что же, не стану вас больше задерживать, мисс Руа.

Он поднялся, и я поднялась следом.

– Не забудьте, – граф кивнул на конверт. – Вам наверняка не терпится узнать, что внутри.

– Да. Спасибо, милорд!

Я присела в реверансе перед тем, как выйти, а очутившись в коридоре, не утерпела: распечатала письмо еще по дороге в холл. В конверт оказался вложен договор на представление картины в музее искусств, с обязательным письменным подтверждением, что «Девушка» и ее сюжет принадлежит мне, а еще пять контрамарок на открытие выставки. Каждое приглашение на одно лицо, не именное.

Бережно погладив тиснение-полукруг, под которым было изображено здание музея, сунула билеты обратно в конверт и развернула договор. Пробежала глазами первую строчку:

«Мисс Шарлотта Руа предоставляет сюжет «Девушка в цепях» для выставочного показа в Королевском Музее Искусств».

«Подписать и отправить с посыльным до завтра», – гласила прикрепленная к договору записка.

Мой первый договор!

Мой первый договор на выставку!

Сердце колотилось так, что я не слышала собственных шагов. Поднялась в классную комнату, чтобы прочитать целиком, поставить подпись и как можно скорее передать его мистеру Ватингу (а может быть, и отвезти лично). Быстро пробежала бумаги глазами, подхватила перо, и… споткнулась о последнюю строчку.

«Мисс Шарлотта Руа не возражает, что сюжет «Девушка в цепях» будет представлен в выставочном зале под псевдонимом Чарльз Руа».

Сначала мне показалось, что я ошиблась, поэтому перечитала еще раз. Нет, в договоре было действительно оговорено, что выставляться мне предстоит под мужским псевдонимом. Своей подписью я соглашусь с тем, что рядом с моей картиной будет табличка с именем Чарльза Руа (ничего умнее, как взять мужской вариант моего имени, мистеру Ваттингу, видимо, в голову не пришло), а это значит… Значит, что представлять меня коллегам, искусствоведам и критикам никто не собирался. Равно как и разглашать мое авторство.

Поднявшись, решительно сложила бумаги в ридикюль и поспешно собралась. В этой части города омнибусы не ходили, пришлось ловить кэб: пусть это дороже, зато быстрее доберусь до места. Конечно, не было никаких гарантий, что я застану мистера Ваттинга, но подписывать договор в таком виде я не собиралась. Не окажется на месте сегодня – оставлю письмо с просьбой о встрече и приеду завтра!

Мне повезло: в связи с предстоящей выставкой, директор оказался в музее. На этот раз разговаривать и препираться с сидящим за конторкой мужчиной я не стала, просто сунула ему под нос договор, и он, пробурчав что-то невразумительное, отправил меня по известному адресу. То есть в кабинет с дверью из туанэйского дерева (между прочим, безумно редкого и дорогого) и золоченой ручкой.

Когда я вошла, секретарь колдовал у подноса, источавшего аромат крепкого чая и сахарного печенья. Обернувшись на щелчок открывшейся двери, подчеркнуто вежливо, но холодно произнес:

– Добрый день, мисс. Мистер Ваттинг сегодня не принимает.

– Мне очень нужно его увидеть.

– Нет, мисс. Только не сегодня.

– Мне прислали договор…

– Да, конечно. Вы можете оставить его мне.

– Нет, вы не понимаете. Там…

Прежде чем я успела договорить, дверь распахнулась, и на пороге появился директор музея.

– Джордж, сколько можно! Я просил подать чай полчаса назад…

– Сию минуту, мистер Ваттинг, все уже почти готово, но мисс…

Взгляды мужчин скрестились на мне.

– Что вы здесь делаете? – сухо поинтересовался директор.

– Мне принесли договор, в котором указан псевдоним Чарльза Руа. Вы собираетесь выставлять мою работу под другим именем. – Раньше я бы стушевалась, но только не сегодня. Не сейчас, не в такой ситуации. – Почему?

– Неслыханная наглость! – Мистер Ваттинг шагнул ко мне. – Вы хотели выставляться, мисс Руа, и я предоставил вам такую возможность. В вашей мазне и без того достаточно провокаций, не хотите же вы, чтобы для полноты картины я еще и подписал ее женским именем?

На слове «мазня» обидно стало до слез.

В любой другой день я бы развернулась и ушла. Наверное, опустила бы глаза, как учила леди Ребекка, и просто покинула бы приемную без малейших возражений. Но сейчас только решительно шагнула к нему.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать. И подписывать картину чужим именем – тоже.

Секретарь как-то подозрительно побледнел, а вот надутое, словно шар (возможно, это впечатление создавалось из-за плотно обхватившего толстую шею воротничка), лицо директора музея приобрело оттенок багряного заката.

– Немедленно покиньте мой кабинет!

Он попытался схватить меня за локоть, но я отскочила в сторону.

– И не подумаю! – воскликнула, задыхаясь от переполнявших меня чувств. – Я забираю картину с выставки, а вы… вы просто недалекий шовинист!

– Что-о-о?!

– Вообще-то, девушка права, – из кабинета раздался знакомый надтреснутый голос.

Надтреснутый, но не сломленный. Низкий, тягучий и сильный, как шум ураганного ветра, ломающего ветки и выворачивающего деревья с корнем.

Секретарь побледнел еще сильнее, мистер Ваттинг пошел красными пятнами. Я же, напротив, вросла в пол. Точнее, в паркет, элитный паркет, оставшийся здесь еще со времен графа Аддингтона. Помнится, леди Ребекка говорила, что магия никогда не бьет в одно и то же место дважды. В моем случае это правило не работало. Ну или работало неправильно, потому что шаги, утяжеленные хромотой, говорили об обратном. Месье Орман возник на пороге кабинета, тяжело опираясь о трость. Лучше бы меня и правда ударило магией: несмотря на осеннюю свежесть, тянувшуюся из распахнутых окон, жаром окатило от макушки до пяток.

– Вы не имеете права подписать картину псевдонимом, если она того не желает.

– Не желает?! Помилуйте, месье Орман! Это же будет форменный скандал.

– Скандалы привлекают внимание, а для общественного места это всегда плюс. Если они не спровоцированы ритуальным убийством с предварительной оргией.

Секретарь прерывисто вздохнул и начал медленно уменьшаться в размерах. Я даже не сразу поняла, что он опустился на стул.

– У вас… у вас странное чувство юмора. – Оттянув воротничок, словно тот его душил, директор музея посторонился, позволяя гостю пройти.

– У меня его нет, – это прозвучало по-прежнему хрипло, но с тем же успехом лезвие ножа могло вспарывать дерево, выбивая щепку за щепкой. – Замените договор.

Смысл последних слов дошел до меня, лишь когда он остановился, чтобы вонзить в меня пристальный взгляд. В глубине маски глаза отливали сталью, но я словно залпом глотнула кипятка. Мгновение, что он на меня смотрел, показалось долгим, как ожидание чего-то безумно желанного. Потом он просто вышел за дверь, и я, подчинившись порыву, поспешно шагнула за ним.

– Месье Орман! – воскликнула я. – Спасибо за все, что вы для меня сделали.

Он остановился так резко, что я едва не убежала вперед. Сейчас мы стояли лицом к лицу, точнее, лицо к маске. Мне никогда не доводилось оставаться один на один с мужчиной, тем более так близко, поэтому сейчас я отвела руки за спину, чтобы сцепить пальцы и не начать теребить волосы от волнения. Дурацкая привычка, пожалуй, единственная, от которой гувернантке не удалось меня избавить.

– Я сделал это не ради вас.

Холодная стружка голоса оседала на плечах, но вот странность – от него становилось все жарче.

– А ради кого же?

– Почему. Потому что могу.

– Но вы могли этого и не делать. И не только этого, все, что вы делаете, я имею в виду выставку и прочее – это очень благородно.

– Вы интересовались мной, мисс Руа?

Взгляд задержался на моих губах, я почувствовала его столь же отчетливо, как если бы он их коснулся.

– Не боитесь расстроить своего покровителя? Или он не из ревнивых?

– Я не… что?

К щекам прилила кровь. Не только к щекам, к ладоням, шее, груди… и вообще, я сейчас сама себе напоминала свечку, готовую вот-вот вспыхнуть от корней волос. Как-то так само собой получилось, что рука метнулась к его лицу. Он перехватил мое запястье в дюймах от прикрытой маской щеки. Швы перчатки впечатались в кожу – там, где его пальцы сомкнулись, как кандалы.

– Пустите! – выдохнула яростно. – Пустите, или я позову на помощь.

– Зовите, мисс Руа. Только в этом случае вместе с расположением графа вы лишитесь и места.

Сейчас его голос прозвучал как нахлест цепей, и я поняла, в каком положении оказалась. Сама пошла за ним, сама остановилась поговорить с мужчиной наедине. Случись кому-то выйти и увидеть нас, ситуация точно будет истолкована не в мою пользу. Кровь мигом отхлынула от лица. Как я вообще могла подумать, что в этом мужчине есть что-то благородное?

– Отпустите, – потребовала уже тише.

– Уже лучше. Но недостаточно.

– Недостаточно чего? – прошептала еле слышно.

– Покорности. Женщину украшает покорность, вы разве не знали об этом?

От такого заявления лишилась дара речи, а он медленно опустил мою руку вниз. Так медленно и близко к себе, что моя перчатка скользнула по его пальто. Пальцы при этом так и не разжал, дернув меня следом за собой. Мы шли рядом, но именно мне приходилось подстраиваться под его ходьбу. Несмотря на то, что он прихрамывал. И на то, что мужчина должен замедлить шаг, если женщине приходится рядом с ним торопиться.

– Куда вы меня ведете?

Усилием воли заставила себя отвести взгляд от стертого маской профиля: это уже становилось неприлично. Вовремя, надо сказать, потому что его взгляд скользнул по моему лицу.

– К выходу, разумеется.

Я зажмурилась. Сейчас мы вместе появимся в служебном холле, и об этом наверняка доложат мистеру Ваттингу. А мистер Ваттинг с радостью напишет графу, и… Всевидящий, какой позор! Он больше не захочет видеть меня не то что рядом с Линой, но даже в своем доме. Что подумает Лина? Что скажет леди Ребекка? Пальцы на запястье обжигали, и кожа под ними горела, как в раскаленных тисках.

– Пожалуйста. Отпустите.

– Отпустите, пожалуйста.

Я глубоко вдохнула и сказала со всем почтением (особенно, впрочем, ни на что не надеясь):

– Отпустите, пожалуйста.

– Видите, это совсем не сложно.

Хватка разжалась, и я резко остановилась. Щеки снова пылали, но хуже всего было то, что кожа все еще полыхала, как от клейма. Невольно потерла ее и проследила его взгляд, обжигающий не слабее недавнего прикосновения.

– Если собираетесь бить, снимайте перчатку.

– Что?

– Перчатка, – произнес он, – смягчает удар. Без нее все чувствуется ярче. Особенно кончиками пальцев.

Он развернулся и зашагал дальше по коридору, не утруждая себя прощаниями. Я же смотрела ему вслед, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Смотрела, пока удаляющуюся фигуру не украл поворот, и только тогда вспомнила, что так и не вернула ему платок.

Дурацкий платок, который я постирала, отгладила и положила во внутренний кармашек сумки, чтобы отдать при удобном случае. Платок, больше не пахнущий сандалом, аромат которого я уловила еще в первый раз в кабинете мистера Ваттинга. Сандалом, и еще чем-то, резковато-сумеречным, как жаркая ночь.

Наверное, что-то у меня в голове помутилось, потому что я пролетела по коридору столь стремительно, что мне могла позавидовать «Стрела Загорья»: поезд, по скорости уступающий разве что дирижаблям. Чудом вписалась в поворот, скользнув локтем по стене, и вовремя. Орман был уже в конце коридора.

– Месье Орман!

Удивительно, но он даже остановился. Дожидаясь, пока я подойду, оперся о трость.

– Вы что-то еще хотели мне сказать?

– Спросить. – Я вытащила из сумочки платок и сунула ему в руку. – Легко оскорблять, скрываясь под маской, правда?

Взгляд его сверкнул. Сверкнул так, словно вобрал в себя всю силу светильников-артефактов – расплавленным золотом.

Щелчок открывшейся двери, поспешные шаги.

– Мисс Руа! – Громкий голос секретаря эхом пронесся по коридорам. – Мисс Руа, куда вы подевались? Нам нужно успеть заменить и подписать договор.

Прежде чем я успела вдохнуть, Орман шагнул ко мне. Шагнул так стремительно, что я даже понять ничего не успела: пальцы коснулись светильника над моим плечом, и я провалилась назад. Точнее, провалилась бы, не подхвати он меня за талию и не шагни следом в потайную нишу. Тайник захлопнулся, отрезая нас от коридора и от всего, что осталось снаружи.

Здесь была кромешная тьма. Такая, что я не могла разглядеть ничего, но сейчас была искренне этому рада. Проклятие рыжих – огненная кровь, проступающая сквозь светлую кожу, на этот раз превратила меня в живой факел: Орман прижимал меня к стене. Собой. Прижимал так, что я пошевелиться не могла, одна рука лежала на моей талии, другая не давала возможности даже самую малость сдвинуться влево, чтобы уйти от этой невыносимой близости. Продолжением руки шла клятая трость, от касания которой по бедру змеилось невидимое пламя.

– Мисс Руа! Мисс Руа! – Судя по голосу, Джордж был уже рядом с нами.

Если объяснить разговор в коридоре еще можно было попытаться, то сейчас, вывалившись под ручку с Орманом из потайной ниши, я буду чудо как хороша: раскрасневшаяся, взволнованная, с глазами на пол-лица. И дня не пройдет, как мне откажут от места, и уж точно никуда больше не возьмут: после такого граф ни за что не даст рекомендации. Мне придется вернуться под крышу леди Ребекки, вернуться с позором, а что самое ужасное, этим я подставлю не только себя, но и ее! Ведь она меня приютила, вырастила, занималась моим воспитанием, а я…

– Что же вы притихли, мисс Руа? – Холодная жесткая насмешка заставила вздрогнуть: он говорил в полный голос.

– Пожалуйста, тише, – процедила еле слышно.

– Простым «пожалуйста» вы на этот раз не отделаетесь. – Орман повысил голос и постучал тростью. – Чудеса старых домов: снаружи ничего не слышно, зато скрываясь внутри, можно узнать много всего интересного. И не только узнать…

Набалдашник скользнул по моей щеке, заставив вздрогнуть. Неживое прикосновение прокатилось от скулы по всему телу дикой, жаркой волной.

– Давайте решать, останемся здесь, или выйдем к бедолаге Джорджу. Он вас уже обыскался.

Шаги раздались совсем близко, и я вздрогнула. Попыталась отвернуться, но трость не позволила – на этот раз более жестко вплавляясь в кожу.

– Чего вы хотите?

– Я хочу нарисовать вас. Обнаженной.

От того, как это было сказано: низко и бессовестно-откровенно, у меня закружилась голова. К счастью, падать здесь было некуда.

– Вы… вы понимаете, о чем просите?

– Вне всяких сомнений. А вот вы, судя по всему, ничего не поняли, если решили поучить меня жизни. Теперь моя очередь.

Трость двинулась ниже, скользнула по подбородку и коснулась губ. От бездонной темноты прикосновение вышло еще более острым, но к счастью, сейчас она нас разделяла. Пожалуй, только она нас и разделяла.

Удаляющиеся было шаги снова стали более громкими: Джордж возвращался назад.

– У вас мало времени, мисс Руа. Считаю до трех, и выходим.

– Зачем я вам?!

– Один.

Еще ближе.

– Вы же можете позволить себе любую натурщицу.

– Два.

– Месье Орман…

– Три.

– Нет! – перехватила его руку, скользнувшую вдоль панели на стене. В конце концов, ничто не мешает мне сейчас согласиться, а потом отказаться. – Хорошо. Я буду вам позировать.

– Скажите: я принимаю вашу помощь и клянусь вернуть долг.

– Я принимаю вашу помощь и клянусь вернуть долг.

Что-то больно ужалило палец через перчатку, и я дернулась. Странная вспышка охватила запястье, боль впилась под кожу занозой, а потом все прошло. Я моргала на тающие вокруг перчатки изумрудные искры, не в силах поверить в то, что произошло.

Магия?!

Затихающие шаги Джорджа слушала сквозь странный шум в ушах. Сползти мне не давала ладонь Ормана, по-прежнему лежащая на талии. Когда спустя несколько мгновений раздался едва уловимый щелчок и шорох отошедшей в сторону панели, я даже не пошевелилась. Он силой вытолкнул меня наружу, именно это и заставило глотнуть воздух. Воздух, показавшийся просто ледяным после духоты ниши.

– Что… что вы со мной сделали? – собственный голос показался чужим. – Зачем?

– Это мои гарантии.

Гарантии?

– Я сообщу, когда захочу вас видеть, – произнес Орман. – И очень рекомендую подчиниться сразу, потому что эта долговая расписка…

Трость коснулась моего запястья.

– Может сделать вам больно, а мне бы очень этого не хотелось.

– Вы чудовище! – выдохнула через силу.

– Женщины любят чудовищ, мисс Руа.

– Только не я.

– Неужели?

Он больше ничего не сказал, но мне стало страшно. Развернувшись, я быстро зашагала в сторону кабинета мистера Ваттинга. Только у дверей остановилась и стянула перчатку: на тыльной стороне запястья, словно залитый под кожу, покоился странный тонкий узор ядовито-зеленого цвета.

5

Вот вам за покровителя, месье Орман, вот вам за покорность, вот вам за «отпустите пожалуйста» и за вашу «помощь» особенно! Я прыгала на наброске и остановилась, только чтобы в очередной раз перевести дух. Мисс Дженни взирала на все это безумие с подоконника с выражением морды, которое должно было меня образумить.

«Полегчало?» – как бы спрашивали эти глаза.

– Нет!

Кто, кто же мог знать, что он окажется магом?! Лина, конечно, говорила, что помимо производства мобилей Орман увлечен искусством времен армалов, древних магов, наделенных такой мощью, которая современникам и не снилась. Но представить, что он сам знаком с магией…

О которой я знаю еще меньше, чем… чем о клятом месье Ормане!

Я прыгнула еще раз, еще и еще – от души, после этого снизу постучали.

Судя по характерному звуку, ручкой швабры.

– Хозяину нажалуюсь! – донесся приглушенный этажом прокуренный женский голос.

– Да пожалуйста! – ответила я.

В квартире подо мной постоянно что-то падало, разбивалось, а выражения, далекие от тех, что пристало слышать юным мисс, перемежались с угрозами открутить любовницам мужа голову. А вот со мной такого раньше не случалось. В смысле, я не прыгала на своих набросках, не замахивалась на мужчин, и… и… никогда так сильно не хотела влепить пощечину. До горящей ладони. До покалывания в кончиках пальцев.

О да-а-а, без перчатки!

«Женщину украшает покорность, вы разве не знали?»

Я сжала кулаки и носком туфельки задвинула Ормана под тахту.

– Скажите это оттуда! – выдохнула. – Как вам такая покорность, месье Орман? Что, не нравится? Хотите выйти? Нет, простым «пожалуйста» вы у меня не отделаетесь!

Покосилась на торчащий уголок наброска, подхватила со стола чайник, шкатулку с заваркой и направилась вниз, оставив мисс Дженни доедать куриные потрошки.

На общей кухне, как всегда, царил смрад и мешанина запахов. От раскаленной плиты, на которой в кастрюле попыхивало варево, шел едва уловимый пар. Я поставила кипятиться воду и устроилась на старой скрипучей табуретке, расшатанной настолько, что у нее периодически отваливались ножки. Мистер Джеггинс прикручивал их обратно: табуретка была нужна, чтобы ставить на нее горячие кастрюли. Больше их ставить было некуда, разве что на пол, потому что с полгода назад стол развалился окончательно.

Прикоснулась к запястью, на котором красовалась «долговая расписка»: непонятная магическая закорючка с аккуратными строгими линиями. Тонкие контуры, которые поначалу словно светились изнутри, сейчас погасли. А вот легкое жжение, не болезненное, просто как напоминание о долге, не прошло. И как, спрашивается, мне завтра идти на занятия с Илайджей? Не могу же я все время сидеть в перчатках, а если сниму… вдруг он заметит? Если заметит Лина, если заметит граф?

Вопросов не оберешься.

«Вы интересовались мной, мисс Руа?»

Да, потому что у меня было временное помешательство. Не иначе!

Что на меня нашло?

Сама не знаю, почему это вышло так остро. Сама не знаю, как это вообще получилось, ведь я умела держать себя в руках! Даже когда гувернантка видела неправильно решенный

пример и смотрела на меня сверху вниз сквозь толстенные стекла своих очков так, что я чувствовала себя маленькой и ничтожной. Она так и говорила: «Вы маленькое ничтожество, мисс Руа, если не можете решить такую задачу». Даже когда леди Ребекка собирала слуг, чтобы в их присутствии отчитать меня за какую-нибудь провинность и поставить в угол на несколько часов. Даже когда хозяева художественных салонов смотрели на меня с выражением недоумения, граничащего с насмешкой.

Смирение, рассудительность, скромность – вот три составляющих, на которых держится поведение любой благовоспитанной мисс, но с ним это все не работало.

Последний раз я так разозлилась, еще когда мы жили с леди Ребеккой в Ф*а*ртоне, точнее, в пригороде, в доме ее отца. Я была тогда совсем маленькой, но хорошо помню, как выбежала на улицу и услышала крики. Пятилетняя дылда, сын конюха, навалился на двухлетнего малыша, сына горничной, и возил его перепачканной и зареванной мордашкой по камням. Я разбежалась и боднула мальчишку в живот с такой силой, что он шмякнулся прямо в лужу. Орал так, что на вопли даже выскочил конюх, но оценив ситуацию, только выругался, сплюнул и ушел. Зато к малышу горничной его сын больше не приставал.

А еще я хорошо помнила море.

Часами могла сидеть, глядя как волны накатывают одна за другой. Даже зимой, когда колючий ветер забирался под накидку и под плотно завязанный чепец. Леди Ребекка говорила, что зимнее море пугает, но мне оно нравилось любым. Даже несущим сокрушительные волны на скалы, свинцовым, тяжелым и беспощадным. В Фартоне леди Ребекка чаще улыбалась. Она подхватывала меня на руки и кружила так, что юбки летели раскрывшимся цветком. Вот только когда ее отец, невысокий, мрачный и вечно чем-то недовольный граф смотрел на меня, я теряла дар речи: таким жутким становился его взгляд. Леди Ребекка замирала и немедленно отправляла меня к себе.

Потом он уходил, и жизнь снова расцветала красками. Тогда мне казалось, что так будет вечно – леди Ребекка, море и я, но неожиданно приехал виконт Фейбер, и она перестала улыбаться. Виконт сделал ей предложение, свадьба была богатой, и мы переехали в Лигенбург. Где моря уж точно не было, только вечный дым, промозглые туманы и бесконечная столичная суета.

Виконт Фейбер!

Почему я сразу об этом не подумала! В доме леди Ребекки и ее мужа неплохая библиотека. Ей почти не пользуются, но книги (особенно книги по магии) – то немногое, что виконт не успел раздать за долги и пустить по ветру. М-м-м… я должна туда попасть! Должна понять, что это такое, и как от него избавиться. Просить графа я не могу, ему сразу придется во всем признаться, а вот леди Ребекке сочиню что-нибудь. Пусть потом мне будет очень-очень стыдно за ложь, но лучше так, чем… чем позволить ему эту непристойность! При одной мысли, что придется перед ним обнажиться, и не просто обнажиться, но и сидеть так неподвижно несколько часов под его взглядами, к щекам снова прилила кровь.

И не только к щекам, в груди словно что-то вспыхнуло и жаром разлилось сквозь кончики пальцев по всему телу.

Нет-нет-нет, этого не будет! Никогда!

Запястье болезненно дернуло, и я бросила яростный взгляд на закорючку: она почему-то засветилась.

«… очень рекомендую подчиниться сразу, потому что эта долговая расписка может сделать вам больно».

Не дождетесь!

Завтра я найду способ избавиться и от вас, и от этой штуки. Обязательно!

Так-то, месье Орман!

Загогулина на руке снова ужалила, но я только натянула на нее рукав: умолкни!

Воодушевленная обнадеживающими мыслями, подпрыгнула от оглушительного верещания чайника и быстренько сняла его с огня. Поднимаясь наверх с крохотным осветительным артефактом на шее (ходить по лестнице в такое время без него чистейшей воды самоубийство), настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила маячившую у моей двери тень. А когда заметила, было уже слишком поздно: мужчина резко обернулся и шагнул ко мне.

Я вскрикнула, дернулась назад и поняла, что падаю.

6

– Шарлотта!

Чайник все-таки вырвался из рук и с бряцаньем поскакал вниз, щедро поливая все вокруг кипятком. Я же зависла на верхней ступеньке, на пяточках, а наверху, удерживая меня за талию и не позволяя катастрофе случиться, стоял Ирвин.

Ирвин?!

– Ирвин!

Он резко втянул меня в коридор, подхватил на руки и закружил: с той знакомой силой, с которой подхватывал, когда входил в комнату. Широкие плечи служили неплохой опорой, но голова все-таки закружилась. В точности так же, как в детстве – весело и до звездочек перед глазами.

– Мисс Шарлотта Руа, вы все такая же хрупкая, какой я вас помню.

– Ирвин Лэйн, перестаньте! – рассмеялась от души. – Иначе будет как тогда на карусели.

Совместный поход на аттракционы, которые приехали под Лигенбург вместе с ярмаркой, закончился для меня не очень хорошо. Просто кто-то не знал меры, а Ирвин никогда не мог мне отказать.

– Ох, нет. Второй раз я себе этого не прощу!

Меня наконец-то поставили на пол.

– Иииирвин! Как же я рада тебя видеть!

– Я тоже безумно рад, Шарлотта.

Запрокинула голову, счастливо глядя ему в глаза.

– Когда ты приехал?

– Только что. И сразу к тебе.

– Вот прямо сразу?

– Ну, сначала домой заскочил. Нужно же мне было узнать твой адрес.

– А я завтра к вам собиралась!

– Завтра мы бы все равно не увиделись, – сильные руки придерживали меня за талию, – Роберт, мой полковой друг, женится.

Света от крохотного артефакта было чуть, но достаточно, чтобы рассмотреть красивое лицо с правильными чертами. Черные как уголь волосы, зачесанные назад, а глаза! Ух, какие глаза! Сейчас они потемнели от освещения, но я до безумия хорошо помнила их цвет. Яростно-голубой, как высокое летнее небо, в которое хочется смотреть до бесконечности.

Ирвин Лэйн, сын виконта Фейбера от первого брака.

В него были влюблены все дебютантки Лигенбурга (подозреваю, что не только дебютантки). Прибавить к его более чем запоминающейся внешности галантность старых традиций, неизменную вежливость – и получим его, моего старшего брата, как он себя называл. По сути, так оно и было. Ирвин всегда относился ко мне без снисходительности своего положения, неизменно защищая от строгости леди Ребекки или осаживая чересчур заносчивых слуг.

Всевидящий, как же это было давно, а сейчас… сейчас передо мной стоял молодой мужчина, хоть и знакомый, но повзрослевший. Решительно повзрослевший за последние шесть лет.

Только сейчас поняла, что мы так и стоим перед дверью. Что я в домашнем платье, простоволосая, и что он на меня смотрит… совсем не так, как смотрел раньше. Внимательно, немножечко удивленно, словно заново узнавая.

– Ой, – сказала я и полезла в кармашек за ключами.

– Позволь помогу. – Ирвин отнял у меня ключ, отпер дверь и слегка поклонился. – Леди вперед.

За то, что забыла выключить свет, когда уходила, мистер Холл открутил бы мне голову. Но к счастью, хозяина здесь не было, поэтому я закусила губу и обернулась, чтобы получше рассмотреть Ирвина. Темно-красная форма с серебряными нашивками, форма энгерийского офицера, делала его строже и жестче, черты стали более резкими, кожа – темнее и грубее, а вокруг глаз обозначились едва уловимые морщинки. Оно и неудивительно: в энгерийской колонии, Рихаттии, солнце очень-очень жаркое. В свое время я перечитала об этой стране все, что могла найти. Наверное, могла бы сдать экзамен по истории, географии и традициям без подготовки даже сейчас. Как раз потому, что Ирвин туда уехал.

– Какой же ты стал… – прошептала я.

– Какой? – переспросил он, внимательно глядя на меня.

– Совсем… – Кажется, я впервые не могла подобрать слов. – Солидный.

– Солидный, мисс Руа? – Он нахмурился. – Это все, что вы можете обо мне сказать спустя столько лет?

– Серьезный. Строгий. Умопомрачительный. Так лучше?

– Гораздо. – Вокруг глаз заискрились лучики «солнечных» морщинок.

– Ты надолго вернулся?

– Навсегда. Если так можно выразиться, когда ты военный.

– Ооох! – Я взвизгнула и не удержалась, чтобы снова его обнять.

– А ты рисуешь. – Он кивнул на занавешенный тканью мольберт за моей спиной. – Все-таки рисуешь, Шарлотта. Я всегда знал, что ты своего добьешься.

Хотела рассказать ему про выставку, но не успела.

– А это кто у нас там? – Ирвин смотрел куда-то на пол, и я проследила его взгляд. Оказывается, пока меня не было, мисс Дженни вытащила месье Ормана из-под тахты и устроилась прямо на нем.

– Это… набросок. Ничего интересного, у меня их целый альбом.

– Вообще-то я спрашивал про пушистую прелестницу. Но для меня все, что ты рисуешь интересно, – снова на удивление серьезно сказал он. – Я до сих пор храню портрет матери, который ты мне подарила перед отъездом.

Я слегка покраснела. Портрет его мамы написала с большой картины, висящей в семейной галерее Фейберов. Правда, даже представить не могла, что он не только не забыл, но и сохранил этот листочек, в который я вложила столько сил и любви.

– Ирвин… – Кажется, от счастья я совсем растеряла манеры. – Хочешь чаю? Ой…

Чайник остался на лестнице, но прежде чем успела сделать шаг, Ирвин рассмеялся.

– Куда?

Он вышел за дверь, а я метнулась к столу. Смела в сторону карандаши, палитру и кисти, столкнула мисс Дженни в сторону, а набросок сунула к остальным в альбом. Посильнее натянула рукав, прикрывающую магическую закорюку, вытащила чашки, печенье и оперлась о спинку стула, как ни в чем не бывало.

Кто бы мог подумать!

Ирвин-Ирвин! Когда он уезжал, не очень хорошо расставшись с отцом (виконт изначально был против его службы), я думала, что могла бы ему писать. Но сколько мне тогда было? Одиннадцать. Леди Ребекка отняла у меня первое же письмо, а следом и адрес, и мне даже нечего было ей возразить. Глупая девчонка, в один день лишившаяся старшего брата и лучшего друга, ночами рыдала в подушку. Понемногу привыкала к Лигенбургу без Ирвина, но к жизни без Ирвина так и не смогла.

Я рисовала его, только его и рисовала, складывая наброски в учебные альбомы – туда, где никто не мог их найти. А потом образ начал стираться из памяти, и остались только штрихи моих воспоминаний. Которые я тоже сохранила до сегодняшнего дня.

Ирвин вернулся минут через десять, от чайника бодро поднимался пар. Поставил его на стол, но в ответ на мое приглашение только покачал головой.

– Шарлотта, остаться не получится. У Роберта мальчишник, я и так уже бессовестно опаздываю.

– Я уже готова этого Роберта покусать!

– Прости его, он безумно влюблен, а это самое серьезное оправдание. – Ирвин широко улыбнулся. – Тем более что я зашел пригласить тебя в Милуотский парк. Ты же свободна в воскресенье, верно?

Воскресенье – единственный день, когда у меня не бывает занятий с Илайджей. Граф Вудворд был столь любезен, что даже не стал вычитать его за приближающуюся пятницу – день открытия выставки, на которую я выпросила себе выходной.

– Разумеется!

– В таком случае в воскресенье, в полдень, я буду у этой самой двери, мисс Шарлотта Руа. Что скажете?

– С радостью принимаю ваше приглашение, милорд Лэйн.

Я присела в реверансе, а Ирвин отвесил мне шутливый поклон. Мы еще раз обнялись, а когда за ним закрылась дверь, подхватила мисс Дженни на руки. Скинула туфельки и от души попрыгала на тахте, которая протестующе скрипела. Счастье переполняло меня до краев. В меня даже чай с булочками не полез – столь велико было радостное возбуждение, поэтому я убрала со стола и легла спать. Писать в таком состоянии тоже бессмысленное занятие: когда все внутри переворачивается от радости, сложно сосредоточиться на сюжете.

Ирвин.

Ирвин вернулся!

В воскресенье мы идем на прогулку! Всевидящий, мне же столько всего надо ему рассказать! И еще столько же спросить.

Я улыбалась и гладила примостившуюся рядом кошку. Из-под тонкого рукава ночного платья просвечивал зеленый узор, снова слегка потемневший, и я показала ему язык. Уютное мурчание мисс Дженни убаюкивало, а коготки, которые она пускала в покрывало, напоминали пожелание доброй ночи.

Впрочем, сейчас я была уверена, что эта ночь будет самой доброй на свете.

7

Бальная зала была роскошна. Украшенная живыми цветами и праздничными лентами цвета сирени, символизирующими помолвку Лины и Ричарда. Из распахнутых настежь дверей лилась нежная мелодия, слышались голоса и смех. Платье, которое мне одолжила подруга, тоже было прекрасно. Воздушное, из бледно-сиреневой органзы, с шарфом-накидкой, позволяющим прикрыть обнаженные плечи, что я и сделала перед тем, как войти. Посередине широкая лестница раздваивалась, чтобы увести вниз, а под ней, в выбитой арке бил фонтан. Раньше мне не доводилось бывать в бальной зале Вудвордов, но она что-то неуловимо мне напоминала. Особенно портьеры, тяжелыми складками ласкающие паркет.

– Мисс Шарлотта Руа! – объявил церемониймейстер, и все повернулись ко мне.

Я видела Ричарда и Лину, графа и графиню, остальные сливались в пестрый мельтешащий фон. Все они смотрели на меня, во взглядах недоверие мешалось с недоумением: что здесь делает простая гувернантка? Неожиданно я почувствовала себя очень неловко, но прежде чем успела сделать вдох…

– Вы позволите вас сопровождать, мисс Руа?

Ирвин предлагал мне руку и улыбался. Парадная форма, начищенная до блеска обувь и ослепительная улыбка. Улыбка, на которую я не могла насмотреться.

– Лорд Ирвин Лэйн! – воскликнул церемониймейстер.

И взгляд, удивительно долгий, глаза в глаза.

– Да, – прошептала я. – Да, да, конечно же да!

Положила затянутую в перчатку руку на сгиб его локтя, и мы вместе направились вниз. Под плеск воды, разговоры и перешептывания спустились по одной из лестниц.

– Первый вальс! – Громкий голос поглотил вихрь музыки.

Пары закружились по залу, и Ирвин посмотрел на меня.

– Окажете мне честь, Шарлотта?

Разве я могла ему отказать? Нет, не так… я счастлива была согласиться!

Мы влились в круговерть танцующих, он вел легко и уверенно, подхватывая ритм льющейся по залу мелодии. Вокруг порхали платья (как листья, кружащие над землей): желтые и лимонные, багряные и охряные, потемневшие, словно опавшие уже давно, изумрудные и салатовые, сорванные ветром раньше времени. Синие, пронзительно синие, как небеса осенью, темнеющие как ночное небо или приглушенные, как облака перед рассветом.

Ирвин вел легко и уверенно – сильная ладонь на спине и мягкий захват пальцев. Мне вдруг отчаянно захотелось стянуть перчатку, чтобы почувствовать его ладонь. Почувствовать кончиками пальцев, как… Выражение лица Ирвина неожиданно изменилось: стало жестким и раздосадованным. Глаза потемнели, как небо перед грозой. Мелодия закрутилась ярмарочной каруселью, громкой и скрипучей, словно в поломанной музыкальной шкатулке. Пары останавливались одна за другой, останавливались и смотрели куда-то в сторону.

Не понимая, что происходит, я сбилась. Споткнулась о его ногу, и он не стал удерживать, просто замер, глядя мне за спину.

– Кошмар!

– Какой ужас.

– Немыслимо.

– Невозможно.

Восклицания неслись отовсюду, женские голоса и мужские смешивались в странный гул, и я обернулась. Обернулась, чтобы увидеть свою картину: на нее смотрели с выражением неподдельного ужаса, возмущенно, с омерзением.

– Провокационно…

– Пошло…

– Ужасно.

– Неужели это нарисовала она?

Я зажала уши, чтобы не слышать, зажала и повернулась к Ирвину в поисках поддержки, но…

– Шарлотта! Как ты могла нас так опозорить?

– Ирвин, я…

Договорить не успела, он развернулся и направился к выходу из залы. Так быстро, что я даже не успела коснуться его руки.

– Ирвин, постой! Пожалуйста!

Хотела бежать за ним, но мне постоянно попадался кто-то на пути. То граф, глядящий на меня с выражением брезгливого недоумения, то Лина с широко распахнутыми глазами, то гости. Я не запоминала лиц, просто пробивалась сквозь удушливое полотно платьев и фраков, не выпуская Ирвина из виду. Я должна его догнать! Должна объяснить, что все это ужасная ошибка. «Девушки» здесь не должно быть, ведь она в музее искусств, и я вовсе не хотела никого позорить.

Тем более его!

Ирвин взлетел по лестнице и скрылся за захлопнувшимися дверями, а мне, наконец, удалось добраться до ступенек. Я вязла в них, как в непроходимой топи, ноги становились тяжелыми, пока не добралась до середины лестницы. Кто-то схватил меня за шарф, чтобы удержать, я рванулась – и прохлада впилась в обнаженные плечи. Зато двигаться стало проще: пролетев мимо разгневанного церемониймейстера, я выбежала из зала.

– Ирвин!

Долгое эхо разнесло мой крик по коридорам. Шаги донеслись из левого крыла и я, не раздумывая, нырнула туда. Холл Вудвордов сменился длинным темным коридором, в который я бросилась вслед за ускользающими шагами.

– Ирвин!

Поворот – и я на полном ходу врезалась в… Ормана. С силой влетела в него, но он даже не пошатнулся, только жестко обхватил мою талию, не позволяя отстраниться.

– Значит, Ирвин. – Хрипло произнес он.

А потом одним движением толкнул к стене, и мы снова оказались в нише. Темнота обрушилась пологом, запечатывая непроницаемым барьером потайных стен.

– Отпустите! – выдохнула я. – Отпустите, или я…

– Будете кричать? Да. Звать на помощь? Бессмысленно.

– Ирвин…

– Он не придет. Никто не придет.

Он без труда удерживал мои запястья за спиной. Прижимая их к талии, вжимая меня в себя так плотно, что я едва могла дышать. Едва могла дышать и двигаться, словно меня сковало по рукам и ногам невидимыми цепями.

– Здесь никого нет. Кроме нас.

Осознание обрушилось горячей, удушающе-жаркой волной. В жизни не представляла, что может быть так горячо от самых обыкновенных слов. От голоса: низкого, глубокого, затягивающего во тьму яростно и неумолимо.

«Здесь никого нет. Кроме нас».

– Здесь полный дом гостей…

– В музее искусств?

Музей искусств? Как… как я могла очутиться в музее искусств, если только что вышла из бальной залы Вудвордов?

– Никак. – Затянутая в перчатку ладонь скользнула по щеке. – Разве что во сне. Знаешь, чем хороши сны, Шарлотта?

Из-за сомкнувшейся над нами темноты все чувства обострились стократно. Я слышала наше дыхание. Мое – участившееся, и его: сильное, глубокое, ровное. Обжигающее шею, скользящее по коже, играющее выбившейся из прически прядью.

– Во снах можно себе позволить многое. Гораздо больше, чем наяву. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Сон?

Сумасшествие какое-то! Мне не может такое сниться!

– В безумии есть своя прелесть.

От прикосновения трости к губам по телу прошла дрожь. Холодный, скользящий, металлический узор, повторяющий контур моего рта. Дикое, сумасшедшее желание почувствовать его губы на своих обожгло лицо краской, щедро плеснувшей на щеки.

Я не должна такого думать, и хотеть этого тоже не должна.

Я шла сюда, чтобы найти Ирвина, чтобы все ему объяснить…

– Знаете, моя маленькая Шарлотта, даже для столь очаровательной девушки вы слишком любвеобильны.

Звенящие сталью интонации обожгли сильнее смысла сказанных слов.

– Вы… – вспыхнула я. – Не смейте называть меня так! Не смейте меня…

– Смею. Могу. Буду. – Насмешливый голос на миг изменился, становясь низким и тягучим, как патока. Мелодичным, словно треск из него выплеснулся за один вздох. – Буду называть тебя, как захочу. Буду говорить все, что пожелаю. Буду делать с тобой все, что пожелаю…

Пальцы на моих запястьях шевельнулись, и правое кольнуло тонкой, тянущей болью.

– И когда пожелаю.

Дернулась, но тщетно: невидимые цепи не стали легче. Набалдашник скользнул вдоль линии декольте, под тонкое кружево, по ставшей безумно чувствительной коже.

– А-ах-хх… – С губ помимо воли сорвался стон.

– Какая же ты чувствительная, Шарлотта… – Этот голос действительно был безумным. – Шарлотта…

А еще голодным. Жадным.

Он пробовал мое имя на вкус, и меня тоже: жесткие губы коснулись бешено бьющейся жилки на шее. Платье сползло к ногам, словно шнуровка на спине распустилась сама собой. Трость скользнула по груди, заставляя задыхаться от странного, неведомого доселе чувства. Чувства столь же постыдного, сколь и желанного: податься вперед, вжимаясь в холодный резной узор. Обнаженными плечами, всем телом чувствуя грубую ткань пальто или плотный шелк жилета. Позволяя ему делать все, что он пожелает.

Прямо сейчас.

Прикосновение пальцев к губам: горячих, по-мужски сильных, заставило приоткрыть рот. Раскрытая ладонь скользнула по шее, потянула за волосы, и шпильки посыпались вниз. Так легко, словно их вытянули заранее. Пряди рассыпались по обнаженной спине небрежной лаской. С губ вместе с дыханием снова сорвался стон.

Как хорошо, как сладко, как…

Грохот и лязг ворвались в сознание, заставив подскочить на кровати. Покрывала сбились, оказавшись чуть ли не в ногах, волосы разметались по плечам. Щеки пылали, я вся пылала как Иньфайский маяк, почти не чувствуя отрезвляющего холода. Грудь тяжело вздымалась, под тонкой сорочкой отчетливо выделялись напряженные соски. Сердце колотилось как сумасшедшее, облегающая ткань ощущалась каждым дюймом горящей кожи. Так же отчетливо, как помнила его прикосновения, слышала шорох падающих одежд, чувствовала скольжение набалдашника, когда выбитый узор оставлял ледяные ожоги.

Моргнула, пытаясь прийти в себя, и перевела взгляд на мисс Дженни. Она сидела под мольбертом и вылизывала лапу. С таким видом, словно чайник со стола свалился сам собой, вместе с палитрой и стаканом-подставкой для кисточек. Шкатулка с заваркой видимо тоже спрыгнула сама.

– Мисс Дженни!

Невинный взгляд невинных глаз.

– Мяу?

Пришлось подниматься и приводить в порядок комнату, которая напоминала поле боя. Разлитую воду быстренько вытерла тряпкой, разлетевшиеся по полу кисти собрала и сложила в ящик, осколки смела в совок и ссыпала в мусорное ведро. Привести в порядок собственные мысли оказалось куда сложнее: слишком яркими были воспоминания, в которых я цеплялась пальцами за жесткий коверкот на плечах Ормана. В которых запах сандала окутывал легким шлейфом, а я бесстыдно прижималась к мужчине.

«… Буду делать с тобой все, что пожелаю».

Перевела взгляд на магический узор: тонкие линии светились зеленью.

«Какая же ты чувствительная, Шарлотта…»

Браслет пальцев на запястьях, холодный металл, обжигающий кожу.

Всевидящий, Шарлотта! Это всего лишь сон.

Только сон, и ничего больше.

С этой мыслью устроилась на кровати, натянула покрывала до подбородка, завернулась в них и закрыла глаза.

8

– Тетушка Эби!

– Мисс Шарлотта! Радость-то какая!

Кухарка Эбигейл, что трудилась в доме виконта Фейбера вот уже двадцать лет, шагнула ко мне и порывисто обняла. Так порывисто, что с раскатанного на столе теста взметнулась мука, оседая на наших волосах. В общем-то, я против не была: в последнее время мы непростительно редко виделись. В гости меня приглашали разве что когда виконта не было дома (он меня недолюбливал), а поскольку дома его не было крайне редко – обычно, когда он посещал мужской клуб или выезжал по делам, часто заглядывать не получалось. Иногда мы с леди Ребеккой встречались в Милуотском парке, но так ведь с домашними не пообщаешься.

– А вы что же, не обнимете старую Эби?

– Старую, скажешь тоже! Я бы с удовольствием…

Но я в этот момент стояла с растопыренными руками. В одной коробочка с пирожными для Эби и остальных, в другой – для Миралинды. Сама виконтесса считала, что сладкое и мучное, а особенно мучное сладкое портит цвет лица и фигуру. Наверное, так и есть, если его есть постоянно.

– Ох, – кухарка опомнилась. – Ставьте вот сюда. Давайте.

Когда коробочки были сгружены на соседний стол, я все-таки обняла ее от души.

– Соскучилась, – призналась в плечо, пахнущее сдобой.

– А я-то как соскучилась! Ну, рассказывайте, как у вас дела? Все так же учите отпрыска Вудворта письму и манерам?

– И не только, – я улыбнулась. – Я теперь выставляюсь.

– Вот те на! – Эби всплеснула руками и схватилась за скалку.

– Давай помогу.

– Садитесь лучше! – прикрикнула она на меня. – Не с вашей силой тесто раскатывать.

И в подтверждение своих слов она несколько раз прошлась по нему скалкой, превращая в тонюсенький листочек.

– Так что, говорите, свое рисованье выставляете? Где?

– В музее искусств.

– Ох ты!

Кухарка округлила глаза и принялась ловко вырезать тесто для пирожков перевернутой супницей, не забывая поглядывать на меня.

– Только что-то вы невеселая, мисс. Вы же всегда рисовать хотели?

– Еще как!

– Тогда почему грустите?

– Не грущу вовсе! Просто немного не выспалась.

Немного – это слабо сказано. Заснуть мне больше так и не удалось, я до восхода проворочалась под покрывалами, стараясь не думать о том, что мне снилось. Не думать получалось плохо, я снова и снова возвращалась в темноту ниши, к хриплому голосу и бесстыдным прикосновениям. Хуже всего было то, что во сне я сама этого хотела. Отчаянно, до безумия хотела продолжения бессовестно-откровенных ласк. Это и впрямь напоминало безумие: стоило об этом подумать, как щеки начинали гореть, не спасала даже прохладная наволочка. Просыпаться рано я привыкла с детства, но никогда раньше так не радовалась забрезжившему рассвету. Особенно тому, что пришло время вставать.

Зато теперь весь день зевала.

– Неудивительно, времечко-то к ужину. Что же вы себя совсем не бережете? Наверное, опять всю ночь за рисованьем просидели!

Кухарка испытующе на меня посмотрела, ловко выкладывая начинку на тесто.

– М-м-м… да. – Я кивнула и поспешила сменить тему: – Эби, а у меня для тебя есть подарок! Хочешь пойти на выставку?

Достала приглашение и протянула ей.

– Ох, я бы с удовольствием, мисс Шарлотта! Только когда мне? И леди не отпустит, сейчас работы много, особенно когда молодой лорд вернулся! Ну, вы ведь верно и сами знаете, вчера он спрашивал у меня ваш адрес.

Я улыбнулась.

– Да, Ирвин вчера заходил. Спасибо, что подсказала, как меня найти.

Круглое лицо Эби засияло, как солнце.

– Мне в радость только. А то я не помню, как вы плакали, когда он уезжал. Да и он всегда очень хорошо к вам относился, не в пример отцу.

– Так ты хочешь пойти? – Я хитро улыбнулась. – А я попрошу за тебя леди Ребекку, чтобы отпустила на пару часов.

– Ну если попросите… – Она просияла еще больше.

– Обязательно попрошу, – сунула контрамарку в карман ее передника. – И еще я кое о чем хочу попросить тебя.

Вытащила из ридикюля конверт и протянула ей. Внутри лежало приглашение на выставку, а еще сложенный вчетверо лист бумаги. Десятый или пятнадцатый по счету, не помню. Пока Илайджа спрягал вэлейские глаголы, я писала Ирвину о том, что буду очень рада видеть его на выставке. О том, что она состоится в пятницу, что если у него получится прийти, это будет просто чудесно. Писала, перечеркивала неудобные фразы, комкала один лист за другим и бросала в мусорную корзину. Пытаясь подобрать правильные слова и понять, правильно ли поступаю.

«Шарлотта! Как ты могла нас так опозорить!»

Перед глазами стоял образ Ирвина. Ирвина, уходящего от меня. Ирвина, ударившего пренебрежением и жестокими словами, но ведь он никогда не был ко мне жесток.

«Для меня все, что ты рисуешь – интересно».

Нет, он никогда бы так со мной не поступил. И не поступит, потому что все это просто дурацкий сон! Просто дурацкий сон, который нужно забыть как можно скорее.

– Передай Ирвину, пожалуйста.

– Непременно передам.

Эби вытерла руку о передник, спрятала конверт в карман, а после вернулась к готовке.

– А как у вас дела?

Кухарка махнула рукой.

– Все по-старому. У леди приступы мигрени, а у лорда – мотовства.

– Эби! – фыркнула я.

– Ну так ведь правда же.

Виконт Фейбер и впрямь любил погулять и пожить на широкую ногу, а делами заниматься не любил, что не мешало ему тратить состояние, полученное в наследство от отца. Впрочем, если оно есть, почему бы его не тратить.

– Вообще-то я спрашивала про вас, – легонько коснулась морщинистой натруженной руки.

– Ну… мы как обычно. Варим, парим, жарим. Чистим-моем-привечаем… Сейчас по осени девчонок-горничных только так гоняют. Пылинку где заметят – кошмар и скандал. Ну так это вы и сами знаете.

Леди Ребекка Лэйн, виконтесса Фейбер, из-за мигреней действительно становилась раздражительной дальше некуда. Да и попробуй останься в хорошем расположении, если круглосуточно болит голова, когда даже капли не помогают. В такие дни попадаться ей под горячую руку было не с руки. Она часто принимала гостей, и случись ей увидеть поставленную не тем боком статуэтку, сразу вспыхивала, как спичка. После чего долго отчитывала горничных за нерадивость. Хорошо, если только отчитывала, а не вычитала из жалованья.

– Ох, что я вам сейчас расскажу. – Эби неожиданно понизила голос и опустила плечи. – Мою знакомую Маргарет помните, она заглядывала к нам пару лет назад, а вы еще тогда со мной на кухне сидели?

Кивнула. Я запомнила эту женщину из-за огненного цвета волос, пламенеющих даже в неярком свете ламп, громкого голоса и пробивной уверенности, которой многие мужчины могли позавидовать.

– Так вот, у нее дочку убили, – упавшим голосом закончила кухарка. – Задушили, а вокруг шеи змею мертвую обернули, это мне сама Мэгги сказала. Седая стала вся, а в полиции говорят – улик нет. И чтобы не ходила да не донимала, говорят.

– Дочку? – переспросила я, совершенно не готовая к такой новости.

– Да, и ведь молодая совсем была. Едва семнадцать исполнилось. – Эби всхлипнула и отерла глаза передником.

По коже прошел мороз, словно сама до змеи дотронулась, и сразу вспомнился мальчишка-газетчик: «Убийство! Убийство в р-р-рабочем квартале!»

– Это я к чему, мисс Шарлотта. Вы тоже молодая да красивая, и живете одна, в таком неустроенном районе… Может, попроситесь в гостевой дом, к нам поближе?

– Нет у меня денег на гостевой дом, – шокированная подробностями, я даже не пыталась этого скрыть.

– Ну так одолжитесь у леди Ребекки, если нету. Страшные времена сейчас настали, лихие… Хотя когда они такими не были для нас, бедолаг, прости Всевидящий. Тьфу! – Эби сплюнула через плечо, отгоняя беду.

Хотела ответить, что страшные времена не обходят стороной и дорогие кварталы, и даже самых богатых людей, но заметив предостерегающий взгляд Эби, обернулась. В дверях кухни, поджав губы, стояла виконтесса Фейбер.

– Эбигейл, потрудись объяснить, ты и вправду считаешь, что о таких ужасных и грязных вещах стоит говорить с юной мисс? И тем более считаешь себя вправе раздавать советы о том, у кого ей и как одалживаться?

– Леди Ребекка, – я поднялась и поспешно сделала книксен, – Эби вовсе не хотела…

– Похоже, уроки хороших манер для тебя прошли даром, Шарлотта. – Виконтесса смерила меня взглядом, способным заморозить не одну юную мисс, а целого слона. – Разве я обращалась к тебе?

– Нет, леди Ребекка.

– В таком случае я жду твоего молчания и твоего ответа, Эбигейл.

– Да я же переживаю за нашу девочку, – кухарка всплеснула руками. – Я просто помочь хотела, ведь дочка Мэгги-то…

– Достаточно, – произнесла виконтесса тоном, не терпящим возражений. – Вместо того, чтобы пугать девочку, лучше займись делом. Еще раз услышу в своем доме подобные разговоры, урежу тебе жалованье. Пойдем, Шарлотта.

Она расправила плечи и вышла: высокая и тонкая, как жердь. Я же шагнула к Эби и порывисто ее обняла.

– Прости, – прошептала. – Из-за меня тебе влетело.

– Из-за меня, старухи глупой, и влетело. – Эбигейл погладила меня по волосам. – Права, леди-то. Не стоило мне вас пугать, но вы, мисс Шарлотта, у нас такая добрая, сами камня за

пазухой не держите, и в других людях зла не разглядите. А на улице совсем другая жизнь, не то что за красивыми фасадами. Так что осторожнее будьте, очень вас прошу.

– Я очень, очень сожалею, что так случилось, – сказала тихо. – Если я могу чем-то помочь Мэгги…

– Да чем ей поможешь, – вздохнула кухарка. – Дочку ее уже не вернуть.

В горле неожиданно встал ком, поэтому вместо ответа я поцеловала ее в морщинистую, но по-прежнему пышную щеку.

– Рада была повидаться, Эби.

– Я тоже, мисс Шарлотта. Я тоже. – Она кивнула на дверь. – Ну все, бегите. Не заставляйте леди ждать, они ведь знаете, как этого не любят.

Улыбнувшись на прощание, подхватила коробочку с пирожными для Миралинды и бросилась к двери.

Леди Ребекка дожидалась меня в гостиной, где мы столько раз пили чай. Вот и сейчас она восседала в своем любимом «бронзовом» кресле, получившем прозвище за удивительно красивый цвет обивки. Диван был того же цвета, но все знали, что леди Ребекка предпочитает именно кресло, и садиться можно куда угодно, только не на него. Она дождалась, пока я приближусь и поцелую подставленную щеку, после чего приняла коробочку с пирожными и поставила ее на столик.

– Рада тебя видеть, Шарлотта.

– Я тоже! Очень-очень. – Мне безумно хотелось ее обнять, но виконтесса нежностей не любила. – Леди Ребекка, я хочу пригласить вас на выставку!

– На какую еще выставку, Шарлотта?

– На выставку современного искусства. – Я протянула ей две контрамарки. Еще одну я сегодня подарила Лине, и она с радостью согласилась пойти. – Вот. Для вас и Миралинды…

– Музей искусств? – перебила леди Ребекка, откладывая билеты. – Все это несомненно чудесно, но ты же знаешь, как я не люблю визитов без предупреждения, – она поморщилась и поднесла платок к носу.

Платок этот, смоченный каплями от мигрени, ей посоветовал постоянно носить с собой целитель. Каждый раз, когда его вызывали к леди Ребекке, он прозрачно намекал на то, что можно было бы обойтись услугами обычного аптекаря – а главное, гораздо дешевле, но ее оскорбляла сама мысль о таком.

– Присядь, будь так любезна.

– Знаю, я просто не успела отправить записку. – Медленно опустилась на диван: все, как она учила, и осторожно расправила платье.

– Неужели? И что у тебя такого срочного?

– Сегодня граф попросил меня подготовить для Илайджи материалы по истории магии. – Причину я сочиняла весь день и очень надеялась, что выходит достоверно, потому что врать не умела совершенно. – И мне нужно…

Запястье ужалило болью, и я неосознанно его потерла. Знак принадлежности ему обжигал хуже клейма.

– Нужно подготовиться до завтра.

– Историю магии? – Леди Ребекка нахмурилась и резко выпрямилась. – Какое ты вообще имеешь отношение к магии?

Я – никакого. В нашем мире магией обладают только аристократы и те, в ком хотя бы на четверть течет их кровь. Но даже случись мне родиться в знатной семье, вряд ли это что-то бы изменило. В Энгерии женщины изначально наделены более слабой магией, чем мужчины. В общем-то, так сложилось исторически: даже в достаточно сильных семьях женщин магии не обучали, и со временем она «отмерла» за ненадобностью.

Большее, на что были способны леди – простенькие бытовые заклинания, а еще магия красоты, всякие зелья и заклинания для улучшения цвета лица, мгновенного разглаживания морщин, и все такое. Сейчас, наверное, уже и того нет. По крайней мере я никогда не видела, чтобы леди Ребекка, Лина или графиня Вудворд пользовались магией. До встречи с Орманом живую магию я видела лишь однажды: когда упала и сильно разбила коленку. Ее нужно было обработать щипучим раствором, и чтобы меня отвлечь, Ирвин создал потрясающе красивую огненную бабочку.

– Не знаю, – пожала плечами как можно более невинно. – Просто граф, видимо, решил, что настало время обучать Илайджу, и захотел, чтобы я подготовила азы теории. Так вы позволите мне воспользоваться библиотекой лорда Фейбера?

В наш разговор ворвалась небольшая пауза, потому что в гостиную вошла горничная с подносом. Пока она составляла чашки, сахарницу и дымящийся серебряный чайничек на столик, леди Ребекка не сводила с меня пристального взгляда.

– Почему же граф не предоставил тебе свою библиотеку? – холодно поинтересовалась она, стоило горничной выйти.

– О, он куда-то собирался по срочному делу, а помочь мне с каталогом больше некому, – заметила я и даже не покраснела. – К тому же, он знает, что я всегда могу обратиться к вам.

Леди Ребекка снова нахмурилась, недовольно разгладила складки роскошного бледно-персикового платья. Надо отдать должное, этот цвет ей очень шел, подчеркивая естественный тон ее кожи: гораздо более теплый, чем у меня.

– Что ж, – пробормотала она еле слышно. – Думаю, за один раз ничего страшного не случится.

Я едва не спросила, что же такого страшного может случиться со мной в библиотеке, но виконтесса уже поднялась. Так резко, что взметнулось платье.

– Скоро вернется Оливер, – произнесла она, поправляя шоколадные пряди, в которых не было ни единого седого волоса. Черты лица ее, немного крупные, но придающие леди Ребекке особый шарм, всегда казались мне невероятно интересными. – До этого можешь поработать, часа полтора у тебя есть.

Получилось!

– Спасибо! – воскликнула я, вскакивая следом.

– Но на будущее, Шарлотта, от таких поручений стоит отказываться. Это не входит в твои обязанности. Тем более что я не смогу все время оказывать тебе любезность, да и Оливер будет против.

Она направилась к двери, я же с сожалением посмотрела на чай, к которому мы так и не притронулись. Вот он сейчас бы мне точно не помешал: крепкий, ароматный, бодрящий, прогоняющий сон. К сожалению, взять его с собой не представлялось возможным, поэтому только украдкой зевнула и последовала за леди Ребеккой.

В библиотеке виконта мне раньше бывать не доводилось: сюда строго-настрого запрещалось входить. Все книги, которыми я пользовалась – учебники, словари, с собой приносила гувернантка и оставляла в комнате, где мы занимались. В городские библиотеки вход женщинам тоже был закрыт, исключением были разве что книжные и букинистические лавки. Там на меня тоже косились неодобрительно, но я хотя бы могла побродить между полок, вдыхая запах кожаных корешков и типографской краски. К сожалению, читать на месте не позволялось, не позволялось даже просто брать книгу в руки, если ты не собираешься покупать. Увы, денег на книги у меня не было, все они стоили безумно дорого. Единственное, что я в свое время себе позволила – сборник стихов Жюстины Виаль, современной вэлейской поэтессы.

Поэтому сейчас с восторгом озиралась по сторонам. Библиотека занимала довольно просторную комнату во всю высоту этажа. Лесенка, чтобы достать книги с верхних полок, была

невысокой, но довольно массивной. Неяркий свет настенных артефактов поблескивал в позолоте корешков.

– Сейчас посмотрим. – Леди Ребекка открыла лежащую на подставке у двери вытянутую книжицу, больше похожую на журнал. Перед глазами замелькали длинные ряды рукописных строчек, названия книг с указанием авторства. – Хм, история магии… Хм… хм… Ах, вот.

Она направилась к дальней полке, принесла одну из книг и положила на письменный стол. Тут же сработал артефакт: от яркости настольного светильника, представляющего собой несколько соединенных между собой колец, на миг даже зажмурилась.

– История магии от армалов до наших дней. В кратком пересказе, – пояснила она. – Этого вполне достаточно, больше ничего не трогай.

– Не буду, – поспешно пообещала я.

– Полтора часа, Шарлотта, – напомнила леди Ребекка. – Если закончишь раньше, просто оставь книгу на столе и разыщи меня. Ты все поняла?

Она пристально взглянула на меня, словно о чем-то догадывалась. Глаза ее (серо-зеленые, как море под продувными ветрами) чуть потемнели.

– Да, леди Ребекка.

Стоило ей выйти за порог, как я метнулась к каталогу и раскрыла его на оглавлении. Здесь было непростительно мало книг по магии, и я быстро водила пальцем по строчкам, чтобы отыскать нужное. Не думаю, что Орман знает какие-то серьезные заклинания: титула у него нет, а значит, как маг он заведомо слабый…

Та-ак… вот оно!

«Основные заклинания наших дней и новейшей истории».

Как назло, книга оказалась на дальней верхней полке. Пришлось попыхтеть, подтаскивая лестницу к нужному сектору. Кто вообще придумал делать в библиотеке деревянный настил?

Взобралась на лесенку, перебирая взглядом корешки. Поспешно дернула «Заклинания» на себя.

– Ой-й-й…

Книги стояли так плотно, что вместе с нужной мне выскочила еще одна. Я тщетно попыталась ее поймать, но она уже соскользнула вниз. С грохотом свалилась на пол и у меня на глазах разлетелась на две части. В тот самый момент, когда за дверью раздались чьи-то шаги.

9

Я не свалилась с лестницы только потому, что одной рукой вцепилась в «Заклинания», другой в полку. Шаги прогромыхали рядом с дверью, а после начали удаляться: судя по всему, мимо прошел либо дворецкий, либо камердинер виконта, либо кто-то еще из слуг. Судорожно вздохнув, на подгибающихся коленках, я осторожно спустилась вниз. Для верности плотно зажимая фолиант подмышкой и повторяя пальцами края лесенки. Едва ощутив под ногами пол, опустилась на корточки рядом с «пострадавшей», и… замерла.

Книга действительно развалилась на две части, но исключительно потому, что их было две. Две части или две книги: в одной, что побольше, от корки до корки прямо сквозь страницы был вырезан тайничок, в него и вложили вторую. Небольшой томик в изящном переплете с шелковой ленточкой-закладкой. «Сладкая горечь свободы», – гласила надпись на корешке. Книга авторства Миллес Даскер?! По ощущениям, глаза у меня стали очень большими.

Откуда ей здесь взяться?!

«Сладкая горечь свободы» считалась самым откровенным и провокационным романом нашего времени. Леди Ребекка называла книги Миллес Даскер (первой женщины-автора, опубликованной в Энгерии) салонным чтивом для поверхностных, бесстыжих и ветреных особ. Помнится, я нечаянно стала свидетельницей ее разговора с подругами, когда она открыто осуждала «подобное творчество» и мысли, которые оно может вложить в умы современных женщин. Порядочных женщин!

«Я бы ни за что не поставила такую гадость на свою полку», – говорила она.

В общем-то, на полке роман Миллес Даскер и не стоял, он был надежно спрятан в недрах безжалостно искромсанных «Основ бытовой магии». Я закусила губу, понимая, что нужно возвращаться к заклинаниям, но если уж представилась такая возможность… Быстренько открыла книгу на первой попавшейся странице: судя по затертым уголкам, ее читали не один раз.

«Его ладони скользнули по обнаженным плечам, вызывая томительную, жаркую дрожь. Александра прикрыла глаза, отдаваясь во власть сокрушительной мужской силы. Забывая о том, как отчаянно и горячо ненавидела высокомерие в его глазах, чувствуя, как жесткие пальцы удивительно нежно повторяют контур ее губ…»

Странным образом я снова перенеслась в темноту ниши, прикосновения Ормана отозвались во мне пугающей дрожью. Прикосновения, которые хотелось продлить и чувствовать так же остро… наяву. Губы вспыхнули, словно он прикасался к ним пару мгновений назад, и я поспешно захлопнула книгу.

Ой-й-й-й, нет. Это совершенно точно не то, что мне сейчас нужно.

Захватила Миллес Даскер с собой вместе с «Основами». Верну на полку, когда буду убирать «Заклинания». Кстати, о заклинаниях… Зевнула, прикрывая ладошкой рот, глянула в оглавление.

Ну и что тут у нас?..

Заклинания, как ни странно.

Бытовые, боевые, защитные. Глянула на четкий узор, который жил на моем запястье своей жизнью: сейчас, например, снова «заснул». Если не присматриваться, можно подумать, что просто выпачкалась в краске, тонкие линии померкли. Надолго ли? Вряд ли его можно отнести к бытовым. К боевым тем более, и уж меньше всего это похоже на защиту.

Так, вот, раздел «Разное». Пожалуй, здесь и поищем.

Пролистала до нужной страницы, поморгала. Чувство было такое, что книга написана на незнакомом языке. Нет, часть слов мне все-таки была понятна, но большинство просто ускользали от сознания, особенно когда речь заходила о плетениях, построении контуров и узлов.

Да-а-а, что ни говори, а магическая терминология – это явно не для слабого ума. Впрочем, плетения мне не нужны, мне нужно понять, с чем я имею дело, и как от него избавиться.

Раздел оказался большим и муторным, а еще – без картинок. Поэтому приходилось вчитываться в механизм действия заклятий, зевать и покусывать губы. Всевидящий, как в этом вообще кто-то разбирается?

Веки становились все более тяжелыми, не спасал даже яркий свет артефакта. В определенный момент я поймала себя на том, что чуть не упала в книжку лицом, дернулась, и…

– Могла бы просто спросить у меня, Шарлотта.

Ой, нет. Нет, нет, нет. Только не это.

Я что, опять сплю?

– Быстро учишься. Умная девочка. – От этого голоса хотелось не то сбежать на край света, не то… утонуть в нем. Он напоминал гипнотическую вуаль, наброшенную на сознание, приковывающую к своему обладателю невидимыми, но прочными цепями. Даже не оборачиваясь, я знала, кого увижу за спиной.

– Учусь? Чему?

Трость легла на мое плечо, набалдашник уперся в книгу, отодвигая ее в сторону.

– Здесь ты ничего не найдешь.

– А где найду? – Я все-таки обернулась.

В конце концов, если это сон, то во сне можно многое себе позволить.

– Уже пытаешься управлять снами. Невероятно. – Он обошел меня и встал у стола.

Легко касаясь его кончиками пальцев.

– Разве снами можно управлять?

– Большинство людей даже не отдают себе отчет в том, что спят. Не говоря уже о том, что с ними происходит. Не говоря уже о том, чтобы пытаться выстроить сюжет сна по своему разумению. То, что ты на такое способна, очень… – он смягчил последнее слово и повторил его так же мягко, словно пробуя на вкус, – очень странно.

Это действительно странно. Особенно если учесть, что мы разговариваем во сне.

– Может, уже снимете маску?

– Может быть и сниму. А что снимешь ты? Взамен, Шарлотта?

В голос снова ворвались певучие нотки, в которых разум увязал, как в паутине.

– А что вы хотите?

– Хочу снять с тебя нижнее платье.

Я приподняла брови.

– Не слишком ли за одну маленькую маску?

– Не слишком ли? Секрет твоего долга, – он коснулся моего запястья, – и мое лицо. Выбор за тобой, Шарлотта.

– Я согласна.

Слова сорвались с губ раньше, чем я успела их остановить. Но в самом деле, что мне терять во сне?

– Даже не сомневался, – ответил он.

А потом его ладонь легла на маску, отнимая ее от лица.

Я ожидала увидеть все, что угодно: ожоги на пол-лица или шрам, пересекающий щеку через висок, любое другое уродство, но стоявший напротив меня мужчина был очень привлекателен. Пожалуй, привлекателен чересчур, с таких пишут картины из-за образа, вдохновляющего своими противоречиями. Черты лица правильные, отмеченные свойственной мужчинам жесткостью, высокие скулы и тонкий нос, придающий его облику пугающую хищность. И вместе с тем – удивительно мягкий контур рта и линия подбородка.

– Заклятие долга, – произнес он, – единственное заклятие на крови, которое не считается преступлением. Потому что подчиняющийся ему идет на это добровольно, иначе оно не сработает.

– Заклятие… на крови? – У меня почему-то сел голос.

Я не могла отвести от него взгляда, пытаясь понять, как мой разум умудрился столь точно, столь четко воссоздать образ, которого никогда не было перед глазами.

– Самые жестокие. И самые нерушимые. – Он коснулся затянутой в перчатку рукой губ, глядя поверх нее на меня. – Во времена расцвета цивилизации армалов сильнейшие маги отделились ото всех и ушли с материка, чтобы взрастить новую расу, могущественную и непобедимую. Они называли себя мааджари, в их обществе не было места для слабых магов или для тех, кто магией не наделен. Их силе никто не мог противостоять: ни в древности, ни тем более в наши дни. Лишь крупицы их знаний, ничтожно малые и все же смертельно опасные, так или иначе просачивались в мир. В цивилизацию армалов. В Темные времена. В Эпоху Расцвета.

Было в его облике что-то странное: обладая столь яркой внешностью, он оставался в тени. Несмотря на то, что свет артефакта скользил по светло-каштановым волосам, играя в них серебром. Как теплый свет может откликаться серебром? Присмотревшись, я поняла, что это не свет: серебряная прядь. Серебро в его волосах смотрелось так же противоестественно, как холодный взгляд. Холодный и темный.

– Твой долг, милая Шарлотта, будет оплачен, когда ты исполнишь оговоренное условие, и ни днем раньше. Расторгнуть такой договор нельзя, чем сильнее ты будешь ему сопротивляться, тем больнее будет жалить заклятие. Совсем как заклятие верности, оно же «Змея».

Подавила желание подскочить. Змей я боялась с детства, но… откуда здесь взяться змее, правда?

– И что же случится, если я решу отказаться от выплаты?

– Ты умрешь.

– Вы шутите?

– Ничуть. – Удивительно мягкий голос для таких ледяных интонаций. – Я исполнил свою часть сделки. Твоя очередь.

Если я правильно его поняла, мне даже раздеваться не придется. Достаточно отвернуться, стянуть верх и выпутаться из сорочки. Будет сложно, но я попробую. Пальцы потянулись к пуговкам на платье, но трость отвела мою руку.

– В чем дело? Вы передумали? – я приподняла брови.

– Тебя раздену я.

– Мы так не договаривались.

– Неужели? Я сказал, что хочу снять с тебя нижнее платье.

– Но…

– Сам.

К щекам снова прилила кровь. Было в этом что-то ненормальное, но от того, как он на меня смотрел: от голода в его глазах, от короткого приказного: «Сам», – дыхание участилось. Особенно когда он медленно стянул перчатки, сначала одну, затем вторую. И так же медленно отложил в сторону, придавив тростью. Набалдашник негромко звякнул о кольца артефакта, а Орман протянул мне руку.

Прикосновение заставило вздрогнуть: оно было слишком живым для сна. Настолько живым, что от касания пальцев по телу побежало тепло. Замерев под его взглядом, на миг утратила дар речи. Особенно когда он развернул меня к столу, оказавшись за моей спиной.

– Тело запоминает ощущения, – произнес он, легко сжимая мои плечи поверх платья. – А мы воспроизводим их во снах. Тепло дерева или прохладный шершавый камень… – Пуговицы выскальзывали из петель одна за другой. Когда Орман коснулся ямочки между ключицами, я вздрогнула. – Горячая ладонь…

По груди скользнула прохлада, ладони на обнаженных плечах показались не просто горячими – обжигающими. Кожа под его пальцами горела, становясь отчаянно, невероятно чувствительной. Рукава поползли вниз, и он повторил это легкое скольжение: от локтей к запястьям, на одном из который дремало заклятие долга. Настолько откровенно, что я едва успела опомниться и поймать платье, которое не упало лишь чудом.

– Жало иглы или ожог плети…

Его руки снова скользнули наверх, к плечам, и я вздрогнула, прижимая расстегнутое платье к груди. Почему-то ужасающе-ярко представила, как его ладонь обхватывает рукоятку плети, и от замаха до удара (за долю секунды до обжигающе-острого всплеска) перед глазами темнеет от страха. Меня наказывали розгами, и это было жутко, отвратительно, стыдно и больно. Так больно, что ссадины на запястьях не давали заснуть по ночам. Я складывала горящие руки так, чтобы не касаться покрывал или подушки, но они все равно саднили.

– Розги – бессмысленная мерзость, – хмыкнул он, медленно стягивая бретели нижнего платья. От ласкающего движения кружева по коже становилось нечем дышать. Так же, как от опасной близости за спиной. – Тому, кто ими пользуется, надо отрывать руки или совать их в кипяток.

Мир перед глазами зашатался от будничности брошенной им фразы.

– Руки? – зачем-то уточнила я.

Вместо ответа Орман потянул сорочку вниз, плотно прижимая ее к телу и не позволяя свободно соскользнуть. Дюйм за дюймом все больше открывая грудь. Он почти меня не касался, просто протягивал ткань по коже невыносимо-медленной лаской.

– Отпусти платье, Шарлотта.

Это был приказ, и руки разжались сами собой. Тихий шорох, и я вцепилась в собравшуюся на бедрах ткань, чтобы удержать хотя бы что-то. Перед глазами стояли трость, перчатки и артефакт, рассыпающий яркий свет. Настолько яркий, что мне хотелось зажмуриться. Зажмуриться, чтобы не видеть, как кружево оборки тянется вниз, как скользит по напряженным соскам, задевая их плотной шершавой резинкой. Прикосновение вышло настолько ярким, что я охнула и ухватилась за край стола.

Лакированная поверхность и впрямь была теплой, я чувствовала ее подушечками пальцев. Всевидящий, я сейчас чувствовала так остро, что по телу шла дрожь. Закусив губу, чтобы не застонать, попыталась выпрямиться, но он не позволил. Чуть подался вперед, плотнее прижимая меня к краю.

– Невероятно чувственная девочка. – Хриплый голос стелился невидимым покрывалом.

Сорочка потекла еще ниже, и от прикосновения горячих рук к бедрам тело пронзила странная судорога. Всхлипнула, испуганно дернулась, и… проснулась на лежащих передо мной «Заклинаниях». Место, где Орман оставил трость и перчатки, разумеется, пустовало. Раскрытыми ладонями оттолкнулась от стола, вскочила. Сердце колотилось так, что дышать было трудно, низ живота наливался сладкой, томительной тяжестью.

– Шарлотта! Шарлотта, ты еще здесь?

О-о-оооо-й-й!

Так быстро, рискуя запутаться в платье и свернуть себе шею, я никогда по лестницам не лазила. Только запихнув «Заклинания» вместе с «Основами» на нужное место, обнаружила, что томик Миллес Даскер валяется на полу. Должно быть, зацепила локтем, когда спала.

Нет… нет, нет.

– Шарлотта!

Быстро сунула роман в ридикюль, плюхнулась на стул, выпрямилась и подтянула к себе книгу, которую мне дала леди Ребекка. Вовремя: она как раз вошла в библиотеку и наградила меня строгим взглядом.

– Прошло уже два часа. Я решила, что ты ушла, не прощаясь.

– Что вы, разве я могла так поступить? – поспешно вскочила, подхватив книгу, и артефакт погас. К счастью, потому что щеки у меня пылали. – Просто нужно было основательно подготовиться. Я же совсем ничего в магии не понимаю. Зато теперь граф будет доволен!

Выразительно похлопала ресницами.

– Что ж, чудно. Оливер вернется с минуты на минуту, – леди Ребекка нахмурилась. – Не прижимай к себе книжку, будь так любезна.

– Ой.

Я поняла, что и впрямь вцепилась в фолиант. Прижимая к груди так яростно, словно он мог унять бешено бьющееся сердце и погасить пламя охватившего меня смятения. Осторожно вернула книгу на стол, а леди Ребекка раскрыла медальон-артефакт, который носила с собой по дому. Это изобретение заменило обычные колокольчики, с помощью него можно было приглашать слуг. Для приглашения дворецкого нужно было прикоснуться один раз, горничных – два, и так далее. У слуг находились связанные артефакты, с помощью которых они узнавали, куда нужно подойти.

– Джон тебя проводит, – распорядилась виконтесса и кивнула в сторону двери.

Надежда на то, что удастся вернуть «Сладкую горечь свободы» на место таяла на глазах.

Особенно когда дверь открылась, и в кабинет заглянул дворецкий Фейберов: высокий, лысеющий и тощий, как захиревшая туанэйская сосна.

– Джон, проводи мисс Шарлотту, будь так любезен, – это прозвучало очень мягко. – Доброго вечера, Шарлотта.

– Доброго вечера, леди Ребекка. Поцелуйте за меня Миралинду.

– Непременно, – последовал ответ.

На том и распрощались. Как-то резко, рвано и слишком скоро, но сейчас я была искренне этому рада.

Пауль Орман

Прядь волос под пальцами раскалилась, как медная проволока в огне. Прядь волос и крохотная капелька ее крови, сохраненная магией – пропуск в мир ее снов. Магия гааркирт, позволяющая входить во сны любого: не просто входить, выстраивать их по своему желанию, создавать сюжеты и образы из воспоминаний спящего или собственных фантазий.

Окутанное туманом сознание понемногу прояснялось, возвращая в реальность, заставляя сжать зубы и сдавленно выдохнуть. Он ведь не собирался к ней приходить. Изначально – не собирался, но картина превратилась в навязчивый образ, и впервые за долгое время на смену привычному явился другой. Уводящий за грань реальности, из центра Лигенбурга – на окраину. Туда, где траурной лентой блестит река, где звезд не видно из-за тянущегося над домами дыма. И выше, к закрытой на хлипкую цепочку и старенький энгерийский замок каморке.

Девчонка не шла у него из головы. Маленькая мисс-сама-невинность Шарлотта Руа. С расплавленной медью волос и глазами цвета разбавленного молоком горячего шоколада, что подают в лучших ресторанах Ольвижа. С кожей, не уступающей лепесткам аламьены, застилающей поля Лавуа.

Лавуа, Ларне.

От воспоминаний накатило раздражение. Раздражение, которое он привык гасить на подходе, равно как и любое другое чувство, пытающееся прорваться сквозь полное, осознанное безразличие. Сильные чувства способны разрушить все, к чему он шел долгие годы. Все, что он выстроил вокруг себя, и его самого – тоже.

Древняя магия билась внутри, как мотылек под стеклом, шелк локона щекотал ладонь. Ладонь, которая еще помнила тепло ее кожи таким, каким оно могло бы быть наяву. Долгие годы он не прикасался ни к кому так, как сегодня прикасался к ней. Даже во сне.

Тихий вздох.

Женщина, стоявшая в центре комнаты на коленях, едва заметно повернула голову. Думала, что не заметит? Он сразу и не заметил, погруженный в поволоку сна и мысли о том, как впервые увидел Шарлотту спящей в мансарде. Представлять разметавшиеся по подушкам рыжие волосы было непривычно, но он не мог избавиться от этой картины. Так же, как от ощущения белоснежной кожи под пальцами. Призрачное прикосновение сквозь туман оставило отпечаток, который до сих пор не удалось стереть. Эта тонкая кожа и легкий запах жасминового мыла…

Так непохожий на яркие дорогие духи той, что не сводила с него глаз.

– Разве я разрешал на меня смотреть?

– Нет, Пауль. – Из-под приглушенной покорности пробивалось легкое возбуждение. Она даже этого не скрывала: глаза сверкали, с приоткрытых губ срывались тихие выдохи, грудь тяжело вздымалась. Пламя волос струилось по связанным за спиной рукам, подчеркивало кружево короткого нижнего платья, надетого поверх корсета. Помимо них и тонких чулок на женщине не было ничего, но ее это явно не смущало.

– Ты же знаешь, что сейчас будет?

– Да.

– Да, Пауль.

Поморщился: ставшее уже давно привычным имя неприятно резануло слух.

– До кровати, – отрывисто приказал он. – На коленях.

Одеть бы так Шарлотту, и посмотреть, как ее щеки заливает румянец. Энгерийское воспитание женщин зачастую приводило к печальным последствиям. Они выходили замуж, но чувственные удовольствия для них оставалось чем-то постыдным. Тем, о чем не принято говорить вслух и от чего не пристало получать наслаждение, но Шарлотта была невероятно, безумно чувственной.

Он помнил ее сверкающий взгляд и гнев, которым она окатила его в коридоре.

«Легко оскорблять, скрываясь под маской, правда?»

Смазливое невинное личико и пухлые губы, которые так и манили их попробовать. Во всех смыслах.

Вряд ли Вудворд стал бы держать при себе девчонку, которая ничего не умеет.

Мысль об этом полыхнула такой яростью, что пальцы с силой сжались на набалдашнике. Поднялся, опираясь о трость, глядя на покорно застывшую у кушетки в изножье кровати женщину. Женщину, готовую на все. Здесь и сейчас.

Изумрудная молния сорвалась с пальцев, с шипением вспорола веревку, и она сползла на босые ступни.

– Собери волосы, – приказал он, и она послушно раскрыла ладонь, поднимая тяжелые пряди одну за другой.

Эти шпильки он вытаскивал сам, бросая к ногам и заставляя ее собирать их губами. Сколько их было таких, готовых на все. Отдающихся за деньги и просто так, сгорающих от желания, фальшивого или искреннего. Он давно перестал получать удовольствие от продажной любви, а впрочем, и от истинной тоже. Тогда почему перед глазами стоят рыжие волосы (не этот яркий огонь, цвет раскаленной меди) которые так хочется сгрести в горсть, потянуть на себя, срывая болезненный стон?

Потому что она выглядела слишком невинно. Во сне люди удивительно откровенны и честны, в первую очередь с собой. Когда человек засыпает, даже самый ангельский образ уступает место истинному лицу, но даже спящая Шарлотта выглядела отчаянно-чистой. Именно поэтому ее хотелось разрушить, сделать одной из многих, всего лишь безликой подписью в уголке картины.

Девушкой в цепях.

10

Сама не знаю, зачем я кусала губы. То ли потому, что привычка от Лины прицепилась, то ли потому, что… не знаю, мне хотелось быть чуть ярче на открытии выставки, где будет представлена «Девушка».

– У меня все получится, – сказала я мисс Дженни, которая запрыгнула на тахту и свернулась клубочком в квадрате солнечного света.

Кошка мурлыкнула, соглашаясь, а я еще раз окинула себя в зеркале придирчивым взглядом. Платье было то самое, в котором я ходила на встречу с мистером Ваттингом, волосы стянула в хвост. Вообще-то вчера я задумалась о том, чтобы сделать настоящую высокую прическу, как леди, но на одиннадцатой выпавшей шпильке сломалась и решила, что пойду как обычно. То есть с плотно перетянутыми ленточкой волосами. Этого было достаточно, чтобы они не лезли в лицо, и довольно симпатично смотрелось, особенно если чуть оставить напуск. Ну и парой завитков оживить образ.

Из дома выходила со слегка подрагивающими руками. Мысль о том, что я не только увижу «Девушку» на выставке, но и познакомлюсь с другими художниками, услышу мнение критиков и искусствоведов, заставляла сердце колотиться все сильнее.

Наверное, последний раз я так волновалась, когда шла на собеседование к графу Вудворду. Несмотря на то, что у меня были рекомендации от гувернантки и сопроводительное письмо от леди Ребекки (какие еще могут быть рекомендации у той, кто впервые идет искать место), мне было волнительно до одури.

Во-первых, я прекрасно понимала, что не могу дольше злоупотреблять добротой женщины, которая и без того посвятила мне безумно много времени. Во-вторых, мне отчаянно хотелось свободы – не призрачно-эфемерной, когда отгороженная дверью своей спальни от остального дома я могла предаваться мечтам, а настоящей. Когда я смогу сама распоряжаться своей жизнью, сама решать, как мне быть, и сидеть с ногами на подоконнике, глядя на темную ленту Бельты и сияющую огнями столицу.

Тогда я здорово переволновалась и чуть не хлопнулась в обморок, но не из-за беспокойства, а потому что забыла поесть. Впрочем, все прошло чудесно: на рекомендательные письма граф едва взглянул и сказал, что у меня есть два месяца, чтобы себя зарекомендовать.

Тогда все получилось, и сегодня все получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.